

ТЕОДОР ФОНТАНЕ

БИБЛИОТЕКА НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Теодор Фонтане
Сесиль. Стина (сборник)

«Отто Райхль»

1887, 1890

Фонтане Т.

Сесиль. Стина (сборник) / Т. Фонтане — «Отто Райхль», 1887, 1890

Действие романов немецкого классика Теодора Фонтане (1819–1898) происходит в Германии времен Бисмарка. Читателю предстоит знакомство с экзотическим миром берлинского и провинциального полусвета, его томными героинями и благородными героями, столь похожими на русских «лишних людей» и столь от них отличными. В романах «Сесиль» (1887) и «Стина» (1890) оживают забытые реалии и вечно актуальные темы давно ушедшей жизни. Речь идет о любви, верности, ревности, патриотизме, чести. О смерти и вере в Бога. На русском языке романы издаются впервые, в переводе Э.В. Венгеровой.

© Фонтане Т., 1887, 1890

© Отто Райхль, 1887, 1890

Содержание

«Есть нечто подлинно волшебное в его стиле...»	5
Сесиль	10
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	16
Глава четвертая	19
Глава пятая	21
Глава шестая	22
Глава седьмая	28
Глава восьмая	31
Глава девятая	37
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	44
Глава двенадцатая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Теодор Фонтане

Сесиль. Стина

Сборник

«Есть нечто подлинно волшебное в его стиле...»

Великий Томас Манн, которому принадлежат эти слова, был восхищенным ценителем творчества Теодора Фонтане, писателя второй половины XIX века, незаслуженно мало известного современному русскому читателю. Собственно, у русской читательской аудитории было не так уж много возможностей погрузиться в изысканно просветленный мир его произведений: из романов и повестей – лучшей части творческого наследия автора – в нашей стране переводились и печатались до сих пор лишь «Эффи Брист», «Госпожа Женни Трайбель», «Шах фон Вутенов» и «Пути-перепутья».

Фонтане прожил долгую жизнь (1819–1898), но «...был рожден, чтобы стать „стариком Фонтане“, первые шесть десятилетий его жизни были почти сознательной подготовкой к двум последним», – пишет Томас Манн, очерчивая чудесный человеческий и стилистический портрет своего «старика Фонтане»: «...никто из писателей как прошлого, так и наших дней не пробуждал во мне той симпатии и благодарности, того непосредственного, интуитивного восторга, того мгновенно-радостного просветления и удовлетворения, того теплого чувства, какие дарует каждая строка его стихов или писем, каждый обрывок какого-нибудь диалога».

Обозначим важнейшие вехи жизненного пути писателя, – пути, который завершился плодотворным романном двадцатилетием, определившим, по мнению подавляющего большинства исследователей, высшую фазу развития немецкого реализма.

Фонтане родился 30 декабря 1819 года в семье аптекаря в городке Нойруппин провинции Бранденбург. Бранденбург и – позднее – Берлин, найдут отражение в большинстве значимых произведений автора (одна из формальных причин появления хрестоматийной характеристики Фонтане как прусского патриота).

Будущий большой писатель должен был стать аптекарем, говорят, даже мечтал купить аптеку. Какое-то время он посещал гимназию, но основные усилия были направлены на овладение профессией отца: был учеником в берлинской аптеке, сдавал экзамен на «аптекаря первого класса», работал провизором в аптеках Берлина, Дрездена, Лейпцига и опять Берлина. Осенью 1849 года он решил оставить провизорское поприще, надеясь зарабатывать на жизнь писательским трудом.

Собственно, литературная деятельность Фонтане ведет отсчет от гораздо более ранних подражательных стихотворных опытов четырнадцатилетнего юноши и первых публикаций в «Берлинер Фигаро» 1838–1839 годов, открывших ему двери литературных сообществ, в том числе влиятельного «Берлинского воскресного объединения» («Туннель через Шпрее»). С политическими и эстетическими взглядами членов клуба «Туннель» связывают обращение Фонтане к жанру баллады. Самыми популярными из произведений этого ряда стали баллады на сюжеты прусской, по преимуществу военной истории. Исследователи много полемизировали о том, осуществился ли на данном этапе творческой эволюции автора кардинальный мировоззренческий поворот от демократических взглядов к консервативным. Решение спора видится не столь уж значимым. Гораздо важнее, что в балладах постепенно были выработаны особые способы поэтического воссоздания образа любимой им Пруссии, который каждый раз становился в итоге едва ли не главной целью Фонтане-художника. Говоря о поэтическом воплощении образа родины как творческой сверхзадаче Фонтане, мы подразумеваем не только кор-

пус его стихотворений, но также историко-этнографические сочинения и берлинские романы периода его творческой зрелости.

Еще в декабре 1845 года Фонтане обручился со своей будущей женой Эмилией Руане-Куммер, но из-за финансовых проблем в течение пяти лет не мог позволить себе женитьбу. Впоследствии Эмилия родила ему семерых детей, трое из которых умерли вскоре после рождения.

Летом 1850 года Фонтане оставил Берлин, собираясь вступить в армию Шлезвиг-Гольштейна. Однако это намерение осуществлено не было благодаря предложению поступить на государственную службу, которая могла урегулировать его материальные проблемы. Начался журналистский период творчества Фонтане, ставшего сотрудником учреждений прусской правительственной прессы. По долгу службы в 1852 и 1855–1859 годах он жил и работал в Англии, англо-шотландские впечатления отразились в книгах очерков и репортажей «Лето в Лондоне», «Из Англии», «По ту сторону Твида».

Фонтане выступал в качестве корреспондента во время ряда военных конфликтов с участием Пруссии и был даже захвачен в плен во Франции в 1870 году. Литературно-публицистический итог этого жизненного этапа – три объемных сочинения историографического характера и «Военнопленный», книга, по свежим следам запечатлевшая «пережитое в 1870» (подзаголовки в издании 1871 года).

Несмотря на эти события, Фонтане – потомок подвергшихся гонениям на родине французов-гугенотов – не поддавался галлофобии, которая была весьма распространенным вследствие Франко-прусской войны настроением, и вызвал недовольство своим благожелательным вниманием к образу врага. Однако интересно, что в романах Фонтане упоминаемые французские имена могут выполнять функцию «раздражителя», маркера проблематики особого свойства, служа отправной точкой размышлений на социальные или политические темы.

Новый творческий период, назовем его эпическим, начался в 1876 году, когда уже немолодой Фонтане принял решение оставить журналистику и полностью посвятить себя литературному творчеству, хотя театральным критиком газеты «Фоссише цайтунг» он продолжал оставаться вплоть до 1890 года. «Старик Фонтане» вступил в пору расцвета своего удивительного дара.

Особая манера Фонтане-прозаика, внимательного к бытовым деталям и подробностям человеческих характеров, умеющего сплавлять в органическое целое реалистическую точность в изображении предмета с туманом окружающих его легенд, и способного обнаружить след истории там, где, казалось бы, господствует современность, со всей очевидностью проявилась уже в «Странствиях по марке Бранденбург». Четыре тома исторических и этнографических очерков связывают разные творческие эпохи: «Странствия...» публиковались в 1862, 1863, 1873 и 1882 годах.

О первом из своих романов, «Перед бурей», который увидел свет в 1878 году, Фонтане однажды обмолвился в письме: «Я всегда забываю, что его написал»; «Штехлин», последний роман, вышел уже после смерти писателя (Фонтане умер в Берлине 20 сентября 1898 года). За время, ограниченное названными датами, было создано едва не два десятка романов и повестей, среди которых: «Грешница» (год первого издания 1882), «Шах фон Вутен» (1883), «Под грушевым деревом» (1884), «Пути-перепутья» (1888), «Госпожа Женни Трайбель» (1893), «Поггенпулы» (1896) и лучшее детище писателя «Эффи Брист» (1896). Галерею характеров и жизненные ситуации, представленные в художественной прозе Фонтане, можно назвать, используя очень известное определение, немецкой «человеческой комедией».

Однако своеобразие метода Фонтане все-таки требует комментариев. Читатель, ищущий натуралистического, безысходно правдоподобного, изображения черных сторон действительности, равно как и читатель, жаждущий разгадок постмодернистских ребусов, или читатель,

привыкший спасаться от бытовых проблем в фантазийно-сказочных пространствах, не найдут на страницах романов Фонтане привычных коллизий.

Здесь внимание сосредоточивается отнюдь не на сюжетных поворотах: даже драматические любовные перипетии не могут затмить мастерски очерченные образы вовлеченных в них героев. Портрет в романах Фонтане доминирует над сюжетным действием, портрет в широком смысле – не только как изображение внешности, но и (прежде всего!) как нюансировка характера персонажа, наделяемого яркой, подчеркнуто индивидуализированной устной речью и собственным эпистолярным стилем.

Напомним показательный факт. Когда в переписке по поводу «Стины» (приведена в примечаниях к данному изданию) автор заявил: «Для меня главные персонажи – вдова Питтельков и старый граф, и написать их портреты для меня было важнее, чем портрет Стины», он фактически признался, что, увлекшись изображением весьма колоритных второстепенных фигур, может пренебречь законами сюжетосложения.

Даже актуальная в преддверии XX века социальная проблематика находит выражение в романах писателя, лишь «преломившись» сквозь призму индивидуальных характеристик персонажей. Сравним, как разрешаются сходные конфликты в романах «Эффи Брист» и «Сесиль». В обоих случаях герои, зависимые от архаичных поведенческих норм и ценностных стереотипов, защищая свою честь, убивают обидчиков на дуэли.

Критический пафос достигает кульминации в эпизоде, когда барон Геерт фон Инштеттен случайно находит в бумагах жены письма, свидетельствующие о ее давней измене. Не чувствуя ни гнева, ни ненависти («если бы я чувствовал к нему смертельную ненависть, если бы у меня вот здесь было желание мести...»), он все-таки вызывает на дуэль бывшего любовника жены и убивает его. Безусловно, Инштеттен в своих поступках руководствуется устаревшим кодексом дворянской чести и законами общественной морали, тоже требующей пересмотра. Однако этот «рыцарь принципов» все делает не просто равнодушно, а как бы желая довести до логического завершения любую ситуацию: он выбрал в жены Эффи, потому что когда-то не смог жениться на ее матери, обидчика он наказал, потому что тот должен был быть наказан «в угоду предрассудкам». После дуэли, опять не ощущая внутренней необходимости и правоты, он посчитал, что должен доиграть начатую пьесу до финальной точки: «Теперь я вынужден и дальше ломать эту комедию: мне придется прогнать Эффи, погубить и ее, и себя».

В романе «Сесиль» полковник в отставке Сент-Арно по похожему мотиву (защищая честь) может вызвать на дуэль и убить всякого, кто поставит под сомнение репутацию его жены. Сент-Арно поступит так не «в угоду предрассудкам», а, скорее, потому что он «гвардейский офицер с головы до пят» и не знает иного способа добиваться цели, как с оружием в руках. Но гораздо важнее, что Сент-Арно – гордец и человек решительных действий («Он метал злобные взгляды, потому что было задето его самое уязвимое, если не единственно уязвимое место – гордость. Его разгневало не любовное приключение как таковое, но мысль о том, что Гордона не остановил страх перед ним, человеком решительных действий. Сент-Арно знал лишь одну страсть – внушать страх и трепет. Смелость давала ему чувство превосходства над любым человеком и в любой момент.») Сент-Арно сам устанавливает пределы дозволенного, в особенности, когда дело касается его жены. Нарушителя расплата настигает немедленно.

Выделим еще одну особенность творческой манеры Фонтане – обилие деталей и подробностей, многие из которых, на первый взгляд, представляются «информативным излишеством» или своего рода «виньеткой», стилистическим украшением. Однако на проверку детали и подробности, даже проговоренные вскользь, оказываются многофункциональными и многозначными.

Приведем пример из романа «Сесиль». Три имени абсолютно не связанных друг с другом известных людей названы в разных ситуациях, при разных обстоятельствах: Роза Бонёр, Клопшток и Аврора фон Кёнигсмарк. Три знаменитых имени, выполняющие разный комплекс

функций, в итоге образуют стройную смысловую последовательность – подтекст, уточняющий, нюансирующий портрет главной героини.

Художница мадемуазель Роза, среди рисунков которой обнаружился пейзаж с коровами, умилившая Сесиль, сказала, ссылаясь на общепринятое мнение: «Дама должна рисовать цветы, а не животных. Этого требует свет, обычаи, приличия. Анималистка чуть ли не нарушает благопристойность. Это дело щекотливое. Поверьте, рисовать животных, профессионально или по склонности, – это судьба». Затем она привела свое прозвище (смысл игры слов раскрыт в примечаниях), созвучное имени французской анималистки, сторонницы женской эмансипации, разрушавшей покой благопристойных сограждан слухами о своей нетрадиционной сексуальной ориентации. В дальнейшем Сесиль, которой оказалась непонятна соль шутки, спросила об этом у мужа, и тот ответил весьма двойственно: «На мой вкус, дамам вообще не следует знать об этом. В любом случае, чем меньше они знают, тем лучше. Но так уж устроен свет, что требуется быть в курсе, и знать кое-что об этом предмете, хотя бы понаслышке».

Так имя французской художницы Розы Бонёр, мимолетно упомянутое в романе (вначале даже просто подразумеваемое, а не названное), не только ставит под сомнение границы дозволенного женщине в искусстве, но и провоцирует размышление о том, что должна и чего не должна знать светская женщина, а также подчеркивает специфику познаний заглавной героини в разных культурных областях.

Когда Сент-Арно упрекнул жену в недостаточной культурной осведомленности, он одновременно сформулировал свои представления о целях чтения и очертил ее круг чтения – может, и широкий, но, с его точки зрения, бессмысленный и «бесполезный»: «Я тут недавно заглянул в твой секретер и ахнул. Во-первых, желтый французский роман. Ну, это еще куда ни шло. Но рядом лежал какой-то Эренштрём: „Картина жизни, или сепаратистское движение в Уккермарке“. Что это? Ведь это просто смешно, дешевая душещипательная брошюрка. На этом далеко не уедешь. Не знаю, полезно ли такое чтение для твоей души, допустим, полезно, хотя я сильно сомневаюсь. Но что толку от Эренштрёма в светской жизни?» В дальнейшем станет еще более явственной специфика литературных предпочтений героини и будет назван текст, близкий ей.

Галерея портретов Кведлинбургского аббатства, вернее, портрет одной из настоятельниц, Авроры фон Кёнигсмарк, напомнил героине об историческом романе, который увлек ее примерно год назад. (Надо сказать, что Сесиль никогда не проявляет внимания к предметам, руководствуясь только эстетическими или антикварно-историческими соображениями.) Из романа Сесиль узнала о подробностях бурной жизни прекрасной графини Кёнигсмарк и, по всей видимости, восприняла ее как фигуру родственную, ощутив близость их судеб: обе красавицы и обе долгое время терпели сомнительное положение любовниц высокородных мужчин (Аврора была любовницей саксонского курфюрста).

Третье имя из рассматриваемого нами ряда, упомянутое во время все того же осмотра достопримечательностей Кведлинбурга, – Фридрих Готлиб Клопшток, немецкий поэт, кумир штюмеров – заставляет задуматься о возможных аллюзиях Фонтане на знаменитый роман И.В. Гете «Страдания молодого Вертера». Гетевская Лотта, произнеся в сцене после грозы только одно слово: «Клопшток!» – безоговорочно убедила Вертера в общности их вкусов, идеалов, жизненных устремлений. Сесиль, в отличие от Лотты и всех участников экскурсии, совершенно не знала поэта. В ее глазах Клопшток не выдерживал никакого сравнения с Регенштайнером, запертым когда-то в ящике «разбойником».

Таким образом, имя Клопштока позволяет выявить противоположный, если не сказать контрастный, Сесили литературный женский персонаж. Имя Розы Бонёр маркирует актуальную полемику по «женскому вопросу». Имя же Авроры фон Кёнигсмарк вводит образ выдающейся женщины прошлого. А все три имени вкупе характеризуют достоинства и недостатки круга чтения героини – своего рода проекцию ее судьбы и характера.

Уже приходилось говорить, что и для Фонтане-поэта, и для Фонтане-автора очерков, и для Фонтане-романиста существовала единая художественная задача: лейтмотив всей его долгой творческой жизни – воссоздание образа родины. Этот тезис, безусловно, не гипербола. Картина Пруссии, как пазл, складывается из множества фрагментов, любовно и тщательно прорисовываемых мастером Фонтане на страницах его книг. Он вплетает в повествование исторические экскурсы, описания ландшафтов, легенды, он запечатлевает образы своих современников (вот два берлинца в путешествии, вот немецкие юноши-спортсмены, вот типичная берлинская няня), он даже воспроизводит берлинский жаргон своего времени.

Кто-то скажет: это время ушло, мир изменился, «старик Фонтане» устарел. Что ответить? Наверное, то, что вряд ли когда-нибудь устареет мастерство проникновения в человеческий характер, вряд ли перестанет восхищать умение «просветлять» даже трагические перипетии, вряд ли перестанет удивлять дар красноречивой, многозначной детализации действительности.

И. Черненко

Сесиль

Глава первая

- Тале, второй класс.
- Последний вагон, сударь.

Пожилой господин далеко за пятьдесят, к которому было обращено это указание, подал руку своей даме и медленным шагом, каким сопровождают выздоравливающих, повел ее к концу состава. Все верно, табличка, вывешенная на вагоне, сообщала: «На Тале».

Это был один из новых вагонов с откидной лестницей. Господин, одетый с особой щеголеватостью (синий сюртук, светлые панталоны и коралловая булавка в галстук), поднявшись по лестнице, обернулся, чтобы помочь своей даме войти в вагон. Все места еще были свободны, можно было занять любое, но зато и выбор был мучительным. Прошло не меньше минуты, прежде чем стройная дама в черном платье приняла трудное решение и заняла подходящее ей место. Сопровождавший ее господин, расхаживая из конца в конец вагона, то и дело открывал и закрывал окно и выглядывал на перрон, словно ожидая кого-то. Однако, судя по всему, его беспокойство не имело отношения к вопросу о месте. И действительно, он успокоился лишь тогда, когда слуга в полулифре вручил ему билет и багажную квитанцию. При этом слуга извинялся за опоздание и постоянно называл пассажира господином полковником.

– Хорошо, хорошо, – отвечал тот, кого так упорно величали господином полковником. – Наш адрес ты знаешь. Держи лошадей в порядке; выезжай каждый день по часу, не дольше. И будь осторожен на асфальте.

Потом появился кондуктор и с почтительным поклоном компостировал билеты пассажира, безошибочно распознав в нем старого военного.

Наконец, поезд тронулся.

– Слава Богу, Сесиль, – сказал полковник, чей зоркий и почти колючий взгляд стал лишь острее из-за небольшого бельма на левом глазу. – Слава Богу, Сесиль, мы одни.

– Надеюсь, одни и останемся.

На этом разговор снова прервался.

Всю ночь накануне шел дождь, и городской квартал, протянувшийся вдоль реки, по которому сейчас проезжал поезд, был затянут легкой утренней дымкой, достаточно прозрачной, чтобы позволить нашим пассажирам рассмотреть задние стены домов и окна спален, в большинстве своем раскрытые настежь. Станные вещи представляли здесь взору, но замечательнее всего были увеселительные заведения и летние сады, разбитые под высокими арками железнодорожных мостов. Весь сад между черными от сажи флигелями состоял из шести-восьми шаровидных акаций, вокруг них было расставлено столько же окрашенных в зеленый цвет столов и прислоненных к ним садовых стульев. Перед входом в винный погреб стояла ручная тележка, запряженная собакой, и было отчетливо видно, как в погреб вносят корзины и бутылки и столько же пустых бутылок выносят из погреба. В углу зевал сонный кельнер.

Но вскоре поезд вынырнул из городской тесноты, а вместо нее появились широкие водоемы и поля, за которыми, чуть ли не как привидение, высилась Триумфальная колонна. Дама указала на нее кивком головы под кружевной вуалью, после чего опустила занавеску на открытом окне, хотя всего наполовину.

Между тем ее спутник принялся изучать испещренную жирными штрихами карту железнодорожных путей в окрестностях Берлина. Но не слишком продвинулся в своей ориентации и обрел уверенность, только узнав ограду Зоосада.

– Смотри, Сесиль, вон там вольеры для слонов, – сказал он.

– А-а, – протянула его спутница, пытаясь изобразить интерес, но продолжая вжиматься в спинку своего углового сиденья. Она распрямилась, только когда поезд прибыл в Потсдам. Здесь по перрону прогуливалось много военных, и среди них один старый генерал. При виде Сесиль в окне вагона, он с подчеркнутой любезностью приветствовал ее, но тут же постарался отойти подальше. Она заметила это, как заметил и полковник.

Но вот раздался звонок, и поезд двинулся дальше, по мостам через Хафель, сначала по Потсдамскому, а потом по Вердерскому. Оба пассажира молчали, только занавеска с вышитыми на ней буквами *MHE*¹ весело трепетала на ветру. Сесиль, не отрываясь, смотрела на нее, словно хотела разгадать глубокий смысл этих литер. Однако же ей это не удалось, разве что бледность ее лица стала еще заметнее.

– Располагайся удобнее, – сказал полковник. – И приляг, вместо того, чтобы жаться в углу.

Она согласно кивнула, а он принялся хлопотать вокруг нее с пледами и одеялами.

– Спасибо, Пьер. Спасибо. Подай мне только вон ту подушку.

И она, закутавшись в плед, закрыла глаза, а полковник погрузился в чтение какого-то путеводителя, делая пометки на полях. Лишь время от времени он отрывал глаза от книги и наблюдал за якобы спящей спутницей с выражением внимания и участия, которые непременно стоило бы поставить ему в заслугу, если бы не примесь суровости, упрямства и своеволия, весьма ослаблявшая производимое им впечатление надежности. Судя по всему, за всем этим скрывалась некая история, и красивая женщина (на что указывала и разница в возрасте) была добыта им ценой разного рода борьбы и жертв.

Через некоторое время она открыла глаза и принялась смотреть на пейзаж за окном, который беспрестанно менялся: мимо проносились пахотные поля и фруктовые сады, а потом снова широкие полосы лугов. Она не произнесла ни слова. Казалось, даму, едва-едва пришедшую в себя, вполне устраивает эта апатичная дрема.

– Ты ничего не скажешь, Сесиль?

– Нет.

– Но мне-то позволено говорить?

– Разумеется. Говори, я слушаю.

– Ты заметила Сальдерна?

– Он поздоровался с особой любезностью.

– Да, с особой. А потом избегал тебя и меня. Как мало самостоятельности у этих господ.

– Боюсь, ты прав. Но что с того? Почему мы должны мучить и казнить себя? Расскажи мне что-нибудь веселое. Что-нибудь о счастье и радости. Разве нет никакой истории о путешествии за счастьем? Или это всего лишь сказка?

– Наверное, сказка.

Она печально кивнула. Непроизвольный, хотя, конечно, лишь мимолетный жест не остался незамеченным. Он увидел, что глаза ее затуманились, взял ее за руку и сказал:

– Перестань, Сесиль. Может быть, счастье ближе, чем ты думаешь, и висит где-нибудь в Гарце на какой-нибудь скале. Я сниму его оттуда для тебя, или мы сорвем его вместе. Представь, отель, где мы будем жить, называется «Десять фунтов»². Ну, разве не напоминает это доброе старое время? Я прямо вижу те весы, на которых ты будешь взвешиваться, ежедневно становясь здоровее. Ведь прибавлять в весе означает выздоравливать. А еще мы будем ездить в коляске по окрестностям и пересчитывать оленей, которых завел у себя в парке граф Вернигероде. Надеюсь, он не будет иметь ничего против. И повсюду, где есть эхо, я буду давать салют в твою честь.

---

¹ *MHE* (Mageburg-Halberstädter-Eisenbahngesellschaft) – Магдебург-Хальберштадтская железная дорога.

² «Десять фунтов» – известная гостиница в г. Тале, что в Гарце.

Казалось, эти слова пришлись ей по душе, но, в общем-то, не много для нее значили.

– Надеюсь, мы подолгу будем одни.

– Почему всегда одни? Зачем? Как раз тебе нужно бывать на людях.

– Может быть. Только никаких табльдотов. Обещай.

– Обещаю. Но думаю, что ты скоро изменишь свое мнение.

И тут разговор снова угас, а поезд мчался все быстрее сначала мимо Бранденбурга и его Церкви Святого Годехарда, потом мимо Магдебурга и его собора. В Ошерслебене прицепили состав, идущий до Лейпцига, скорость немного замедлилась, потому что давал о себе знать подъем, вот подъехали к Кведлинбургу, за которым высилась церковь Брокенского аббатства. Пейзаж все больше напоминал цветущий сад, и если прежде за окном виднелись пшеничные поля, то здешние уголья напоминали сплошные клумбы.

– Смотри, Сесиль, – сказал полковник. – К твоим ногам брошен цветочный ковер, и Гарц принимает тебя как принцессу. Чего тебе надобно еще?

И она выпрямилась и улыбнулась.

Через несколько минут поезд остановился в Тале, где купе тотчас облепил рой кучеров и всякого рода зазывал и гостиничных слуг: «Хубертусбад»! «Лесной кот»! «Десять фунтов»!

– «Десять фунтов», – повторил полковник, вручая услужливо подскочившему носильщику багажную квитанцию. Он предложил руку Сесиль и зашагал к отелю, расположенному прямо у вокзала.

Глава вторая

Утром большой балкон гостиницы «Десять фунтов» был занят лишь наполовину, и только десяток постояльцев любовались раскинувшимся перед ними пейзажем, почти не утратившим свою прелесть из-за труб соседней фабрики, поскольку легкий ветерок с равнины отгонял густые клубы дыма к горам. Кругом царила тишина, нарушаемая лишь журчаньем Боде, далеким фабричным грохотом и совсем близким щебетом нескольких ласточек, слетавшихся к лугу в парке перед балконом. Луг был самой прелестной частью пейзажа, чуть ли не более красивой, чем склон горы вкупе с его фантастическими зубцами, но еще более, чем сочная зелень, ласкала взор масса деревьев, инкрустированная в эту зелень весьма умелой рукой. Между перемежавшимися кленами и платанами теснились разного рода декоративные кусты: пестрели яркими цветами лириодендрон и ракитник, калина и акация.

Зрелище это не могло не вызвать восхищения, и красивая дама, которую мы видели вчера в поезде, не сводила глаз с лежащей у ее ног картины, не слишком внимательно прислушиваясь к тому, что говорил ее супруг, полковник.

Стол, за которым они оба завтракали, был отделен от балкона стеклянной стеной и отличался не только необычайно изящной сервировкой, но в еще большей степени огромным роскошным букетом сирени. Видимо, его поставили сюда в знак почтения к высокому положению и внешности знатной дамы. Отломив несколько цветущих веток, Сесиль переводила взгляд с горы на луг, полностью погрузившись в мечтательное настроение и явно не желая, чтобы его нарушали, в то время как полковник, руководимый наилучшими побуждениями, с увлечением разыгрывал роль гида.

– С тех пор, – начал он, – как я служил в здешних местах в чине прапорщика, многое изменилось. Но я еще хорошо все помню. Вон то плато в горах, с большой гостиницей, похожей на игральную кость, называется Лысой горой. Говорят, теперь туда можно попасть по удобной дороге.

– Конечно, можно, – отвечала она, отнюдь не проявляя живого интереса к этому сообщению и окидывая взглядом балкон, где щелкали кольца жалюзи и раздувались на ветру красно-белые скатерти. Она теребила волосы у виска, повернув голову так, чтобы с другой стороны балкона был виден ее красивый профиль.

– Лысая гора, – сказала она, возобновляя прерванную беседу. – Место, куда слетаются ведьмы на шабаш. Вероятно, с ним связана легенда, не так ли? У нас в Силезии таких много, и все они так наивны. Сплошь принцессы и игрушки великанов. Я думаю, эта скала, вон там, называется Конское копыто.

– Конечно, Сесиль. Только не эта, а другая, ближайшая к нам.

– Нам нужно туда наверх?

– Нет, не нужно. Но я полагал, тебе захочется. Оттуда открывается прекрасный вид.

– На Берлин? Не может быть. Берлин должен быть милях в пятнадцати, даже дальше. А ты видел вон там две ласточки? Они гоняются друг за другом, играют. Может, это брат с сестрой или влюбленная парочка.

– Или и то, и другое. Ласточки не слишком щепетильны в этих делах.

Какая-то горечь прозвучала в его голосе, но эта горечь, видимо, не имела отношения к даме, потому что взор ее оставался спокойным, и на щеках не выступил румянец. Она только снова накинула на плечи соскользнувшую шаль и сказала:

– Меня знобит, Пьер.

– Знобит, потому что ты мало двигаешься.

– И потому, что я дурно спала. Идем, я хочу прилечь и полчаса отдохнуть.

С этими словами она встала и направилась через соседнюю комнату в коридор, слегка кивнув тем, кто сидел за соседним столом и ответил ей таким же легким кивком. Полковник последовал за ней. Лишь один из гостей (укрывшись за развернутой газетой, он с другой стороны балкона уже давно наблюдал за изысканной парой), встал, отложил газету и поклонился с подчеркнутой учтивостью, что произвело впечатление на красивую даму. Она оживилась, взбодрилась и, взяв под руку своего спутника, сказала:

– Ты прав, Пьер. Меня знобит, потому что я не двигаюсь. Давай сходим в парк, поищем то место, где гнездятся ласточки. Я заметила это дерево.

Молодой человек, поднявшийся с места и с особой учтивостью поклонившийся даме, подозвал кельнера.

– Вы знаете этих господ?

– Да, господин фон Гордон.

– Ну, и кто они?

– Полковник в отставке фон Сент-Арно с супругой. Они прибыли вчера дневным поездом и заказали отдельный стол. Дама, кажется, больна.

– И они пробудут здесь несколько дней?

– Полагаю, что да.

Кельнер отошел, а человек, к которому он обращался как к господину фон Гордону, два или три раза повторил только что услышанное имя: «Сент-Арно... Сент-Арно!»

Наконец, он вроде бы вспомнил: «Да, тот самый. О нем много говорили в семидесятом году в Сен-Дени³. Ранен в шею, пуля прошла между трахеей и сонной артерией. Истинное чудо, такой выстрел. И выздоровление столь же чудесное, поправился через шесть недель. Вицлебен рассказывал мне об этом со всеми подробностями. Несомненно, это он. Тогда он был самым старым капитаном в одном из гвардейских полков, служил у Франца или у „майских жуков“⁴, он еще во Франции получил майора. Кажется, я встречал его в театре Серфа⁵. Но почему в отставке?»

Закончив свой внутренний монолог и освежив таким образом память, молодой человек снова взял в руки газету и пробежал передовую статью, автор которой описывал последние успехи русских в Туркестане⁶ и туманно рассуждал о Персии и Индии, чудовищно перевирая названия. «Господин журналист ориентируется в Азии не лучше, чем я на Луне». Он брезгливо отодвинул газету, предпочитая любоваться горами, – занятие, коему он вот уже неделю со все большей радостью предавался каждое утро. Потом он перевел взгляд на передний план, а именно на усыпанные гравием узкие и широкие дорожки, змеившиеся по парковому лугу. Один из боскетов, наиболее освещенный солнцем, отличался удивительной желтизной. Молодой человек напряг зрение, стараясь определить, создают ли ее желтые цветы или пожелтевшие на солнце листья. И тут он заметил, что именно из этого боскета выступили фигуры супругов Сент-Арно. Они повернули на дорогу, проходившую мимо гостиницы по ту сторону луга, так что с балкона хорошо было видно обоих. Прекрасная дама, казалось, быстро набиралась сил под влиянием свежего воздуха, она держалась прямо, двигалась плавно, хотя и было заметно, что ходьба все еще стоила ей усилий и напряжения.

---

³ Сен-Дени – северный пригород Парижа. В 1870 г. поблизости состоялось сражение Франко-прусской войны, известное как битва при Ле-Бурже. Победу одержали немецкие войска.

⁴ Прозвище берлинского гвардейского стрелкового полка из-за расцветки формы.

⁵ Рудольф Серф (1811–1871) – основатель и владелец нескольких берлинских театров, в том числе с 1859 г. театра «Виктория» на Мюнштрассе, 20 в центре Берлина. Благодаря наличию летней и зимней сцен театр был очень популярен.

⁶ В конце 1870-х и начале 1880-х годов Российская Империя расширила свои владения в Средней Азии, создала Туркестанское генерал-губернаторство и начала строительство Закаспийской железной дороги (1880–1891).

«Это Баден-Баден, – пробормотал молодой человек, следивший за ними с балкона. – Баден-Баден или Брайтон, или Биарриц⁷, уж никак не Гарц и не гостиница „Десять фунтов“». Он с возрастающим интересом следил за прогуливающейся парой, продолжая одновременно вести поиск в своих воспоминаниях. «Сент-Арно. В семидесятом он еще не был женат, да и ей тогда не исполнилось и восемнадцати». Проводя такого рода подсчеты, он терялся во все новых догадках относительно столь странного и скоропалительного брака. «За этим скрывается какая-то история. Он старше ее на двадцать лет. Ну, это, в конце концов, допустимо, в определенных обстоятельствах, ничего особенного. Но выйти в отставку! Ведь он блестящий боевой офицер! По выправке видно, даже сейчас. Полковник гвардии *comme il faut*⁸, военный до мозга костей. И вдруг отставка. Может быть... Но нет, она не кокетничает, да и он держится с ней безупречно. Он учтив и обязателен, но не нарочито любезен, похоже, что-то скрывает. Что ж, я уж разужнаю, в чем там дело. Впрочем, она, видимо, католичка, и если она не из Брюсселя, то, по крайней мере, из Ахена. Нет, не то. Теперь я понял: она полька, или хотя бы наполовину полька. Воспитана в строгом монастыре, „*Sacre Coeur*“⁹ или „У доброго пастыря“¹⁰».

---

⁷ Баден-Баден или Брайтон, или Биарриц – известные курортные города соответственно на юге Германии, в Англии и на юге Франции.

⁸ Как полагается (фр.) (Здесь и далее примеч. ред.)

⁹ «Святое сердце» (фр.) «*Sacre Coeur*» – Монастырь Святого Сердца, женский католический монастырь во Львове, существовал с 1844 по 1944 г.

¹⁰ «У доброго пастыря» – Монастырь Доброго Пастыря в Берлине, основан как «Душеспасительное заведение для падших девиц» в 1858 г.

Глава третья

Господин Гордон готов был зайти еще дальше в своих догадках, но раздавшийся позади него развязный смех внезапно прервал его размышления. На балконе появились двое новых постояльцев, солидные господа лет тридцати, чьи манеры и речь не оставляли сомнений относительно их малой родины. Серо-коричневые летние костюмы задавали тон всему их облику вплоть до маленьких фетровых шляп, портпледов и саквояжей. Все детали их экипировки отлично сочетались друг с другом, за исключением двух предметов, из коих один слишком мало подходил для путешествия в Гарц, а другой смотрелся как явный перебор. Этими двумя предметами были: элегантная прогулочная трость с ручкой слоновой кости и грубые сверхпрочные башмаки с такими шнурками и на такой толстой подошве, словно им предстояло восхождение на Маттерхорн, но отнюдь не на Конское копыто¹¹.

– Ну, и где мы разобьем лагерь? – спросил старший, остановившись на пороге и оглядываясь вокруг. Он сразу заметил уютный стол с большим букетом сирени, за которым только что сидели супруги Сент-Арно, быстро подошел к этому привилегированному, ибо защищенному от ветра, месту и сказал:

– Где сирень цветет, садись спокойно, цвет сирени – не для недостойных.

Он тут же повесил на спинку стула свой саквояж и портплед и с характерным ударением на последнем слове подозвал официанта:

– Кельнйр!

– Что угодно?

– Прежде всего, один кофе мокко со всем, что к нему полагается, короче говоря, швейцарский завтрак. Всем мужчинам по яйцу, а лихому два к концу.

Кельнер понимающе улыбнулся и, к явной радости новоприбывших, попытался забавным жестом изобразить, что не знает, кому из них следует отдать предпочтение.

– Из Берлина?

– К вашим услугам.

– Ну тогда, любезный земляк, вы не выдадите нас, когда услышите, что мы оба, в сущности, лихие ходоки. Так что четыре яйца. Да поживей. Но для начала очистить старое поле боя. А как насчет меда?

– Мед у нас очень хорош.

– Значит, подайте и мед. Но сотовый мед. Чтоб все было свежее, из бочки. Натуральное!

Пока продолжался этот разговор, кельнер успел сервировать стол и отправился за завтраком. Последовала пауза, которую пара путешественников из Берлина, за неимением ничего лучшего, заполнила рассуждениями о природе.

– Вот это, значит, и есть Гарц или горная цепь Гарца, – снова заговорил старший, тот, который только что провел краткую беседу с кельнером. – Что-то он мне странным образом напоминает. Похоже на Тиволи¹², когда работает фабрика Кунхайма¹³. Погляди, Хуго, как там, над горами, стелется озон. В газетах каждую неделю размещают рекламу: «Посетите климатический курорт Тале!» И нате вам, эти дымовые трубы! А по мне, пусть их дымят. Дым консервирует. Вот проведем мы здесь две недели и вернемся домой прокопченные, как свиной окорок! Ах, где ты, Берлин! Рассмотреть хотя бы Конское копыто!

– Да вон оно, перед тобой, – сказал второй.

---

¹¹ Маттерхорн – вершина в Альпах, на границе Швейцарии и Италии, высота 4478 м. Высота Конского копыта – 403 м.

¹² Тиволи. – Известная берлинская пивная в районе Кройцберг.

¹³ Химический завод в Берлине.

– Скажите, любезный, – обратился он к кельнеру, уже возвратившемуся с большим подносом и расставлявшему на столе завтрак. – Вон тот красноватый дом на горе, ведь это и есть Конское копыто, не так ли?

– Не совсем, сударь. Скала Конское копыто расположена немного дальше, а то, что вы видите, это гостиница «У Конского копыта».

– Ну, так значит это и есть Конское копыто. Главное – гостиница. Кстати, какое пиво подаете? Пильзенское или кульмбахское?

– И то, и другое, сударь. Но мы и сами варим.

– Небось, вон там, где дым столбом?

– Нет, чуть левее. Дымовые трубы справа – это листопрокатный завод.

– Что?

– Листопрокатный завод. Эмалированная жечь.

– Чудесно! Эмалированная! Не хватает только циферблата. А можно все это осмотреть?

– О, конечно, конечно. Соболаговолите, господа, сдать ваши талоны на завтрак.

На этом разговор закончился, и оба туриста *par excellence*¹⁴ принялись уплетать свой завтрак с яйцами и медом.

Через полчаса они встали из-за стола и покинули балкон. Уходя, младший поднес к губам трость с набалдашником слоновой кости и изобразил, что играет на флейте-пикколо сигнал «В поход!» Все, кто еще оставались на балконе, взирали на них с любопытством, в том числе и Гордон, который был бы не прочь составить им компанию до самой долины Тале. Но как раз в этот момент его внимание отвлекли в прямо противоположную сторону новые туристы, прибывшие утренним поездом. С вокзала толпой повалили певческие кружки и зашагали по направлению к Трезбург, где они собирались провести день, участвуя в соревнованиях хоров. Проходя мимо отеля, они махали шляпами и непрерывно кричали «Ура!». Впрочем, никто не понял, кому именно были адресованы их приветствия. Вслед за ними протопали остальные пассажиры поезда, сплошь заурядные фигуры, среди которых заслуживали внимания лишь те, что прошли самыми последними.

Их было двое. Они оживленно болтали, но все-таки как люди, которые познакомились только что. Тот, что шел слева, был одет в черный сюртук со стоячим воротником, но выражение лица имел вполне дружелюбное. Этого отставного священнослужителя Гордон видел на многочисленных экскурсиях, и встречался с ним в гостинице за табльдотом. Его спутник, напротив, отличался большим уродством, но еще более странностью своего одеяния. Он носил гамаш и вельветовую жилетку, полы которой были длиннее, чем его тужурка. К сему прилагались распущенные волосы, цилиндр и роговые очки. На что это все указывало? Судя по обуви и штанам, его можно было легко принять за траппера, зверолова или следопыта. Но его жилетка и тужурка вполне могли принадлежать какому-нибудь конторщику или стряпчему, если бы не такая эффектная деталь его обмундирования, как ботанизирка¹⁵, да еще на вышитой ленте. Вышагивая рядом с пастором, он то и дело теребил эту ленту. Впрочем, пастор уже собирался оставить своего спутника, жестами давая тому понять, что направляется в сторону паркового луга.

– Ботаник, – сказал Гордон хозяину гостиницы «Десять фунтов», который тем временем присоединился к своему постояльцу. – Ну, разве он не похож на батрака Рупрехта¹⁶, собравшегося засунуть весну в свой мешок?

Однако хозяин, как и многие его собратья по профессии, был знатоком человеческой породы и не согласился с диагнозом Гордона.

¹⁴ Здесь: «в высшей степени типичные» (фр.)

¹⁵ Ботанизирка – специальная коробка, использовавшаяся ботаниками для укладывания собранных растений.

¹⁶ Батрак Рупрехт – персонаж немецкого фольклора, спутник святого Николая.

– Нет, господин Гордон, – сказал он. – Зеленая ботанизирка, насколько мне известно, в девяти случаях из десяти служит как бы кладовкой и всегда висит на вышитой ленте. Ботаника здесь ни при чем. Я полагаю, этот господин – гробокопатель.

– Археолог?

– Что-то вроде.

И пока они вели свой разговор, предмет их обсуждения исчез по ту сторону паркового луга, распрощавшись у гостиницы «Десять фунтов», где остановился пастор.

Глава четвертая

В час пополудни во всех коридорах гостиницы прозвучал обеденный гонг, и хотя высокий сезон еще не начался, в большой столовой собралось внушительное число гостей. Явились и оба берлинца в серо-коричневых тонах, немедленно собрав вокруг себя на «нижнем» конце стола кружок частью восхищенных, частью ухмыляющихся слушателей, среди которых обрелись и старик в черном сюртуке отставного пастора и длинноволосый в роговых очках. Явились и супруги Сент-Арно, вопреки желанию Сесиль, высказанному ею по дороге в Тале. Старший кельнер пригласил их занять место в центре стола, напротив господина фон Гордона, и едва они сели за стол, Гордон начал проклинать вазу с букетом из красной листвы, стоявшую между ним и Сесиль. Разумеется, это препятствие не помешало ему представиться, на что полковник, возможно, потому что услышал дворянскую фамилию, с замечательной учтивостью ответил: «Фон Сент-Арно. Моя супруга». Однако похоже было на то, что дело и ограничится этим взаимным представлением. Шли минуты, но ни с той, ни с другой стороны не делалось попытки дальнейшего сближения. Гордон, для которого несколько дней прусской дисциплины миновали много лет назад, счел за благо предоставить первое слово полковнику – из почтения к его чину. Молчала и Сесиль, лишь изредка обращаясь к своему супругу и механически вращая на пальце одно из бирюзовых колец.

Она съела лишь два кусочка *ragoût fin en coquille*¹⁷, а два других оставила на кончике вилки. От предложенных затем блюд она отказалась и, скрестив руки, откинулась на спинку стула, то и дело поглядывая на стенные часы, стрелка которых медленно продвигалась по циферблату. Гордон, обреченный безмолвно наблюдать за своей визави, начал постепенно благословлять вазу, хоть и служившую помехой, но, по крайней мере, позволявшую ему продолжать это занятие не то чтобы незаметно, но хотя бы не привлекая внимания. Он признался себе, что редко встречал женщин подобной красоты, будь то в Англии, будь то в «Штатах». Точеный профиль и отсутствие малейшего следа краски на лице, преобладающей чертой которого была апатия, придавали ее головке нечто мраморное. Но выражение апатии не было следствием особой подавленности или, тем более, дурного настроения. От Гордона не ускользнуло, что черты ее оживились, когда вдруг с дальнего конца стола кто-то крикнул кельнеру с берлинской развязностью: «Поставьте на холод. Но ненадолго. Главное дело – хлопнуть». Провозгласив этот тезис, оратор быстро и ловко сунул указательный палец за щеку. Раздался громкий хлопок.

Все рассмеялись. Даже полковник вроде бы обрадовался поводу разрядить застольную скуку. Перегнувшись через стол к Гордону, он спросил:

– Господин Гордон, вы ведь сын генерала, не так ли?

– Нет, господин полковник, даже не родственник, собственно говоря, я из рода Лесли. Гордон – фамилия моего отчима.

– И в каком же полку вы служите?

– Ни в каком, господин полковник. Я оставил службу.

– Вот как, – отвечал полковник.

Наступила пауза, которая на сей раз грозила оказаться роковой. Но эта опасность, к счастью, миновала. Обычно немногословный, Сент-Арно продолжил беседу, высказывая неожиданную для его натуры заинтересованность.

– И давно вы здесь, господин фон Гордон? Вероятно, приехали на лечение?

– Неделью, господин полковник. Но я, собственно, не на лечении. Хочу отдохнуть, подышать свежим воздухом и вновь увидеть места, которые дороги мне с детства. До службы в армии я часто бывал в Гарце и смею сказать, знаю его.

---

¹⁷ фаршированных устриц (фр.)

– Тогда я прошу разрешения в случае надобности обратиться к вам за советом и помощью. Дело в том, что как только позволит здоровье моей жены, мы намерены как можно выше подниматься в горы, примерно до горы Андреас. Говорят, там самый лучший воздух для нервных больных.

В этот момент кельнер принес десерт, и госпожа Сент-Арно взяла себе немного мороженого с ягодами и отведала с ванильной стороны.

– Дорогой Пьер, – произнесла она, восторгаясь, – ты просишь господина фон Гордона о помощи и в тот же момент отпугиваешь его. Ведь нет ничего более тягостного, чем заботы о больной женщине. Но не пугайтесь, господин фон Гордон, мы не станем злоупотреблять вашей добротой, по крайней мере, я не стану. Вы, без сомнения, альпинист, то есть нацелены на дальние маршруты, а я намереваюсь еще несколько недель просидеть на нашем балконе, любуясь парковым лугом.

Беседа продолжилась и прервалась лишь тогда, когда на нижнем конце стола со всеми положенными церемониями открыли заказанную бутылку шампанского. Пробка взлетела в потолок, и пока младший из берлинцев наполнял бокалы, старший исследовал пробочное клеймо, разумеется, лишь как повод для изложения нескольких анекдотов о шампанском. Суть всех анекдотов сводилась к разоблачению отелей и их владельцев, которые «только и делают, что ищут, куда бы воткнуть пробку»¹⁸. Впрочем, рассказывал он с невинным видом, и хорошее настроение берлинца передалось не только его ближайшим соседям, но и почти всем, кто сидел за столом.

Минут через десять гости поднялись и группами стали покидать столовую. Берлинцы тоже двинулись вдоль по проходу, однако задержались у столика, на котором была выложена книга постояльцев, и принялись ее листать.

– Глянь-ка, вот он: Гордон-Лесли, гражданский инженер.

– Гордон-Лесли! – повторил второй. – Да ведь это чистая «Смерть Валленштейна»¹⁹!

– В самом деле, не хватает только полковника Батлера.²⁰

– Послушай, тот старикан...

– Ты думаешь?

– Конечно, думаю. Ты только взгляни на него. Такому только начать...

– Слушай, это было бы великолепно, получился бы славный финал.

И они двинулись дальше, в свой номер, «чтобы немного осмотреться внутри», как выразился старший из берлинцев.

---

¹⁸ Пробки имели маркировку завода-изготовителя, и берлинец намекает на то что рестораторы закупоривают пробками от дорогого шампанского бутылки с дешевым напитком, то есть мошенничают.

¹⁹ «Смерть Валленштейна» (1799) – третья часть драматической трилогии Фридриха Шиллера о немецком герцоге Альбрехте фон Валленштейне (1583–1634), известном полководце времен Тридцатилетней войны (1618–1648). Один из героев трагедии – шотландский солдат Джон Гордон (ум. 1648). При покровительстве Валленштейна он сделал карьеру от простого солдата до полковника, был назначен комендантом замка Эгер, но позже принял участие в заговоре и убийстве герцога.

²⁰ Полковник Батлер (1600–1634) – также сражался в армии Валленштейна и стал участником заговора против него. В русском переводе трагедии – Бутлер.

Глава пятая

Встав из-за стола, супруги Сент-Арно и их новый знакомый и визави за табльдотом условились совершить послеобеденную прогулку на Конское копыто. В четыре часа они встретились в парке под большим платаном, где Гордон взял на себя руководство экскурсией, предварительно изложив свой план. Пусть мадам не пугается, почтительно сказал он, туда есть ближняя дорога, но она очень крутая, поэтому лучше идти в обход. Обходный путь намного предпочтительней. Он хорош не только тем, что там имеется и открывается взору (например, прекрасные виды). Он намного, намного лучше, благодаря тому, чего там нет. А там как раз отсутствуют обычные прозаические приметы гарцских променадов – хижины, дети, развешенное белье.

Сесиль, чье настроение заметно улучшилось, заверила его, что за многие годы замужества привыкла проявлять послушание и подчиняться даже в мелочах. И вовсе не собирается бунтовать против господина Гордона, который производит впечатление прирожденного проводника и следопыта.

– Поблагодарите мадам за комплимент, – рассмеялся полковник. – Сравнение с Кожаным Чулком²¹.

Гордона неприятно задела эта шутка, сарказм мог быть направлен как против него, так и против Сесиль, но он не подал виду. Взяв у красавицы шаль, в которую она куталась до сих пор, он указал на тенистую тропу в конце парка и повел по ней супругов Сент-Арно мимо летних домиков и сторожек к соседнему селению Хубертусбад, откуда намеревался совершить подъем на Конское копыто. С обеих сторон тропу затеняла густая листва, но попадались и более открытые участки. На одном из них стояла увитая плющом и диким виноградом вилла в оправе позолоченной сетчатой ограды. Ничто не двигалось в этом доме, только в открытых окнах трепетали на сквозном ветру занавески. Место казалось абсолютно необитаемым, но это впечатление нарушал роскошный павлин, восседавший на высокой жерди и оглашавший своим высокомерным и вызывающим криком палисадник, обсаженный жимолостью и гвоздикой.

Сесиль в изумлении остановилась, а потом обратилась к Гордону, затеявшему весь обход, видимо, только ради этого зрелища.

– Какое волшебное место, – сказала она. – Да это просто заколдованный замок из сказки. Как тут тихо и уединенно. Словно здесь царит мир или счастье, что, в сущности, одно и то же.

– Но ни мир, ни счастье не обрели здесь приюта. Я каждый день прохожу мимо этого дома и напоминаю себе одну прописную истину.

– Какую же?

– Да ту, что идиллию, а тем более счастье, нельзя спроектировать. Тот, кто строил этот дом, вероятно, имел такое намерение. Но он не продвинулся дальше простых кулис, а то, что подстерегало его за кулисами, не было миром и счастьем. По этому дому бродит некий мрачный дух, и последний владелец застрелился здесь, вон у того окна (предпоследнего слева). И когда я смотрю туда, мне кажется, что он все еще стоит там, высматривая свое счастье, которого не смог найти. Места, обгаренные кровью, вызывают у меня отвращение.

Казалось, Гордон ожидал, что спутники с ним согласятся. Но слово одобрения не прозвучало. Сесиль лишь считала петли сетчатой ограды, а полковник со свойственным ему спокойным любопытством лорнировал окна.

После чего все трое, не сказав ни слова, направились к извилистой тропе, которая вела наверх, к Конскому копыту.

---

²¹ *Кожаный Чулок* – одно из прозвищ главного героя историко-приключенческих романов Фенимора Купера (1789–1851). Еще одно из его прозвищ – Следопыт, его и упоминает Сесиль.

Глава шестая

Далеко внизу, на станции Тале, вокзальные часы пробили пять, когда супруги Сент-Арно и Гордон, подошли к выступу на скале, где стоял отель «У Конского копыта», и заметили, что многие гости, с которыми они виделись за табльдотом, также пришли сюда выпить кофе и полюбоваться прекрасным пейзажем. Они расположились парами или группами под заросшим молинией навесом, откуда виднелись совсем близкие очертания живописной Чертовой стены, а дальше, за ними, высились остроконечные башни Кведлинбурга и Хальберштадта. Серо-коричневые господа тоже были здесь, а за соседним с ними столом восседали отставной пастор и длинноволосый коротышка. Все, кто уместился под навесом и частично перед ним, находились в отличном, бодром настроении, а лучше всего чувствовали себя оба берлинца, обеденная веселость коих под влиянием коньяка, поданного к кофе, скорее усилилась, чем поухляла.

– А вот и они, – заметил старший, указывая на супругов Сент-Арно и шагавшего сразу за ними Гордона. – Ты глянь, уж и шаль за ней носит. Он времени не теряет. Кто смел, тот и съел. Интересно только, что старики...

Он бы и дальше продолжал в том же тоне, но оборвал себя на полуслове, потому что те, кого касались его замечания, заняли место в непосредственной близости, а именно за столом прямо у обрыва, рядом с телескопом для любознательной публики. За этим столом уже сидела одна юная, хоть и не слишком юная, дама, занятая пейзажными зарисовками, что побудило полковника придвинуть свой стул и заметить:

– Простите, если мы вам помешали, сударыня. Но все столы заняты, а ваш имеет еще и то преимущество, что отсюда открывается самый очаровательный вид.

– Вид прелестный, – буркнула дама, страшно смущаясь и пряча в папку листок с этюдом. – Я предпочитаю это место любому другому, даже самому Конскому копыту. Там сплошной котел, там замкнутость и теснота, а здесь широкий обзор. А такие просторы раскрывают душу, в сущности, для меня нет ничего прекраснее в природе и в искусстве.

Полковник, которому явно импонировала искренность и непосредственность молодой дамы, поспешил представиться и представить своих спутников, а затем продолжал:

– Надеюсь, мы не слишком стесним вас, сударыня. Вы спрятали эскиз в папку...

– Только потому, что он был закончен, а не для того, чтобы скрыть его от вас. Я не одобряю жеманства в искусстве, в большинстве случаев это просто высокомерие. Искусство должно радовать людей, появляться там, где его ждут, а не прятаться со страху или, того хуже, из-за гордыни в свою раковину, подобно улитке. Самое ужасное – это пианисты-виртуозы, которые играют по двенадцать часов подряд там, где их не желают слышать, и не играют, когда вам хочется послушать их игру. Просьбу сыграть вальс они воспринимают как смертельную обиду, а ведь вальс – это прелесть и стоит того, чтобы исполнить просьбу. Ведь он на целый час делает счастливыми дюжину людей.

Кельнер, подошедший к столу, чтобы принять заказы, прервал беседу на несколько минут. Затем разговор продолжился и очень скоро привел к просмотру папки, где скопилось множество самых различных набросков. Сесиль пришла в восторг. Она пожаловалась на свою страшную бесталанность, от которой страдала всю жизнь, и задала несколько вопросов. Они были бы очаровательны, если бы наряду с поразительной осведомленностью в некоторых частностях, не выдавали еще более поразительное общее невежество. Но сама она, казалось, не придавала этому никакого значения и не замечала, как нервно подергиваются губы ее мужа, когда она задает тот или иной вопрос.

Гордон, будучи хорошим рисовальщиком и имея наметанный глаз, особенно в том, что касается ландшафтов, не во всем согласился с дамой, хотя смягчил свое несогласие вежливыми извинениями.

– О, только не это, – сказала молодая дама. – Только не извиняйтесь. Нет ничего ужаснее, чем пустая похвала. Благожелательный упрек знатока – лучшее, что может услышать художник. А как вам вот это?

И она протянула ему рисунок, где был изображен луг с поилкой для скота и коровами у поилки.

– Это хорошо, – сказал Гордон.

А Сесиль, постоянно искавшая аналогии, сказала, что луг – в точности такой, мимо которого они недавно проходили.

Но молодая художница пропустила ее замечание мимо ушей и пододвинула Гордону другой лист.

– А здесь вы увидите, что я умею и чего не умею. Если хотите знать, то я, в сущности, анималистка, – сказала она, все более оживляясь.

– Ах, какая прелесть, – сказала Сесиль.

– Да нет же, мадам, по крайней мере, не всегда такая прелесть, как вы, вероятно, предположили по доброте своей. Дама должна рисовать цветы, а не животных. Этого требует свет, обычаи, приличия. Анималистка чуть ли не нарушает благопристойность. Это дело щекотливое. Поверьте, рисовать животных, профессионально или по склонности, – это судьба. И если уж кого постигла такая участь, того мало заботят насмешки. В довершение всего, меня зовут Роза, что в моем случае – просто беда, не больше и не меньше.

– Почему? – спросила Сесиль.

– Потому что из-за имени черная зависть моих коллег противопоставляет меня моей знаменитой тезке. Они называют меня Роза Малёр.

Сесиль не поняла, в чем соль ехидной шутки. Зато Гордон развеселился и сказал:

– Очаровательно. Но неужели вас хоть на минуту серьезно огорчило это прозвище? Не могу себе представить.

– Оно и не огорчило, – рассмеялась теперь и барышня, которая, в сущности, гордилась своим прозвищем. – Можно пережить. И вообще, портить игру – не в моем характере.

В этот момент подошел кельнер с дребезжащим подносом и начал раскладывать салфетки и сервировать стол. Разговор прервался, но зато стало слышно почти каждое слово, которое произносилось под навесом, а точнее, за соседним столиком.

– По этому пункту, – говорил длинноволосый, чья ботанизирка висела на крюке под навесом, напоминая охотничий трофей, – по этому пункту, мой почтеннейший господин пастор, я должен вам решительно возразить. Ошибочно сводить всю нашу историю к Гогенцоллернам. Гогенцоллерны лишь продолжили дело, начатое Асканиями, полузабытыми, но заслуживающими благодарной памяти потомков. Между прочим, поверхностное преподавание истории более всего повинно в нынешнем нигилизме, отрицающем всякий пиетет и любовь к отечеству. Когда речь заходит об Асканиях, фигурируют, как правило, всего два имени: Альбрехт Медведь и Вальдемар Великий²². А если вы, сударь, немного склонны к приукрашиванию (ненавижу приукрашивание в науке), то, вероятно, вспомните Оттона Со Стрелой²³, красавицу Хейльви́г и сокровище в Ангермюнде²⁴. Ну, да бог с ними, это вещи элементарные, так сказать, азы. На самом деле, Аскании, все вместе и каждый в отдельности, имели большое значение,

---

²² Вальдемар Великий (ок.1280–1319) – маркграф Бранденбурга в 1309–1319 гг., также из династии Асканиев.

²³ Оттон Со Стрелой – Оттон IV (1238–1309), маркграф Бранденбурга с 1266 г., из рода Асканиев. В 1280 году у Штасфурта Оттон был поражен стрелой, которая оставалась в его голове целый год.

²⁴ О них рассказывают соответствующие бранденбургские предания. Ангермюнде – город в земле Бранденбург, недалеко от польской границы.

несмотря на свои прозвища и эпитеты, признаю, несколько странные, насмешливые и порой анекдотичные. Говорю же, я вполне это признаю. Но, с другой стороны, сообразованно ответить мне, милостивый государь, к чему мы придем, если станем пренебрегать людьми из-за их имен? Разве Клопшток²⁵ – подходящее имя для поэта? Разве можно предположить, что Грипенкерль²⁶ – драматург, а Бенгель²⁷ – известный богослов? Или, например, Леддерхозе²⁸? Пора освобождаться от таких глупостей.

Судя по энергичному движению его губ, отставной священник старательно платил автору исторического эссе той же монетой. Но поскольку его отставка по требованию прихода (вообще-то почтительного) произошла десять лет назад, а именно «из-за шамканья», то разобравшись, что он говорил, было никак невозможно. Тем разборчивее звучали речи, произносимые в тот же момент за соседним берлинским столиком.

– Погляди, – говорил старший. – Видишь вон те две башни? Ближняя, должно быть, Кведлинбургская, ясное дело, к гадалке не ходи. А вот та, что за ней? Держится на заднем плане, словно вышла в отставку. Хальберштадская, что ли? А давай мы с тобой пододвинем ее поближе.

– Давай. А как?

– А перспективой. Видишь вон там театральный бинокль?

– В самом деле. Да еще на штативе. Пошли.

Продолжая беседовать в таком духе, они встали и направились к телескопу.

– Берлинцы, – прошептала Роза на ухо Гордону и отодвинулась в сторону.

Но она немногого добилась отступлением, потому что теперь голоса обоих приятелей, попеременно заглядывавших в телескоп, обрели такую пронзительность, что ни единое слово из их беседы не пропадало втуне.

– Ну, где там твой Хальберштадт? Ты его видишь?

– Видеть вижу. И он все ближе. Только очень уж шатается.

– Как бы не так. Это ты шатаешься.

– Пока еще нет.

– Но скоро.

И с этими словами они отошли от телескопа под навес, где теперь собирались совершить дальнейший марш-бросок на скалу Конское копыто.

– Слава Богу, – сказала Роза, когда они ушли. – Я всегда так боюсь.

– Почему?

– Потому что мои дорогие земляки – странный народ.

– Да, странный, – рассмеялся Гордон. – Но не скверный. Если только они не вовсе переменились за последние десять лет.

Они продолжали болтать, перелистывая эскизы в папке, хотя и с различной степенью заинтересованности. Полковник, не особенно вглядываясь, ограничивался немногими, принятыми в таких случаях, восхищенными восклицаниями, в то время как Сесиль, хоть и поглядывала иногда на рисунки, преимущественно играла с роскошным ньюфаундлендом, сопровождавшим красавицу от отеля «Десять фунтов». Теперь пес, доверчиво положив голову ей на колени, с невозмутимым и почти умильным видом ожидал кусочков сахара, которые она

---

²⁵ Клопшток, Фридрих Готлиб (1724–1803) – один из важнейших немецких поэтов. При жизни его публиковали и в России. Родился в Кведлинбурге. Окончание фамилии – *шток* означает «палка, посох, шест».

²⁶ Грипенкерль, Вольфганг Роберт (1810–1868) – немецкий драматург. Критики того времени называли его «немецкий Шекспир». Фамилия звучит примерно как «хваткий парень».

²⁷ Бенгель, Иоганн Альбрехт (1687–1752) – немецкий лютеранский библеист и теолог, основоположник текстологии Нового Завета. Фамилию можно перевести как Сорванцов или Чурбаков.

²⁸ Леддерхозе – Имеется в виду либо известный юрист Конрад Вильгельм Леддерхозе (1751–1812), либо теолог Карл Фридрих Леддерхозе (1806–1890). Так или иначе, фамилия звучит как «кожаные штаны».

бросала ему со стола. Только Гордон рассматривал рисунки внимательно и делал замечания, осторожно балансируя между серьезностью и шуткой. При виде листа, на котором был изображен могильный холм из множества полевых камней, он сказал:

– Некоторые камни похожи на мертвые головы. Простите, это задумано или вышло случайно? В самом деле непонятно, то ли это курган, то ли груда черепов?

Роза рассмеялась:

– Вы видели картины Верещагина?

– Разумеется. Но только эскизы к ним.

– В Париже?

– Нет, в Самарканде. А потом еще в Плевне.

– Вы шутите. Ну, Плевна могла быть, тут я вам верю. Но Самарканд! Бросьте, ведь это, в сущности, просто сказка.

– Или жуткая действительность, – возразил Гордон. – Помните двери самаркандской мечети?²⁹

– Конечно. Жемчужина.

– Согласен. А стражей у дверей, со стрелами и луком помните? Они там, перед этими знаменитыми дверьми храма, предаются странному воинственному занятию, не то войне, не то охоте. Ах, сударыня, поверьте мне, очарование такого рода экзотики весьма сомнительно, и я решительно предпочитаю ей Берлин, где можно вечером послушать «Лоэнгрина»³⁰, а затем поужинать у Хиллера³¹. «Лоэнгрин» – фантастичнее, а «Хиллер» – аппетитнее. Отечество много значит. И всегда будет значить.

Полковник согласно кивнул, но художница сдалась не сразу, во всяком случае, кое в чем она продолжала настаивать на своем:

– Может быть. Но экзотика тоже остается, есть великолепный животный мир: степной волк, степной коршун.

– Вообще-то вы можете познакомиться с этими милыми божьими тварями в Берлинском зоологическом саду, оно и безопасней. И рисовать их там удобнее, чем в местах обитания. Честно говоря, за три года я не видел в степи ни одного степного коршуна, и уж точно ни одного, кто так хорошо смотрелся бы, как вон тот. Хотя это и не коршун. Взгляните, сударыня, вон там, между скалами.

И он указал на ястреба, парившего над пропастью высоко в воздухе.

Роза проследила за полетом птицы.

– Он явно летит на Лысую гору, – заметила она.

– Конечно, – сказала Сесиль, радуясь от души, что наконец-то прозвучало слово, которое отвлечет ее от смертельно скучной папки и заумных рассуждений об искусстве и географии.

– Снова Лысая гора! Сегодня я слышу о ней в третий раз.

– И это знак, что пора ее посетить, сударыни. В самом деле, рано или поздно мы ее увидим, коль скоро мы находимся в Гарце. Ибо во всех местах, куда приезжаешь, следует знакомиться с достопримечательностями. В Самарканде (он отвесил поклон в сторону Розы) – с

---

²⁹ По приглашению генерала Кауфмана Верещагин прибыл в Самарканд после его взятия в 1868 г. и оказался с маленьким гарнизоном в осаде восставших местных жителей. В 1869 г. в Петербурге состоялась «туркестанская выставка» Верещагина. Но Гордон, видимо, был знаком с Верещагиным лично. В 1873 г. русский художник завершил Туркестанскую серию, в которую вошли 13 картин, 81 этюд и 133 рисунка. Очевидно, Роза видела двери мечети только на картине, а Гордон – еще и своими глазами. В 1877 г. с началом Русско-турецкой войны Верещагин присоединяется к действующей армии, участвует в некоторых сражениях, был и во взятой Плевне.

³⁰ «Лоэнгрин» (1850) – романтическая опера Рихарда Вагнера (1813–1883) по мотивам средневековых легенд о Лоэнгрине – Рыцаре Лебедя.

³¹ «Хиллер» – ресторан в центре Берлина на Унтер-ден-Линден, 62/63. В конце XIX в. был популярен у аристократии. Закрыт в 1917 г. из-за «неподобающей военному времени излишней роскоши». Здание разрушено во время Второй мировой войны.

дверями мечети и стражами, в пустыне – с королем пустыни, а в Гарце – с ведьмами. В сущности, ведьмы – местный продукт и растут в здешних горах повсюду, как пурпурная наперстянка. Их встречаешь на каждом шагу, а когда думаешь, что видел всех, все только и начинается. Под конец остается Брокен³², самое название коего скрывает чертовщину. Он и есть настоящая Лысая гора. Ведьмы там – у себя дома, это первобытная среда их обитания. Seriously, здешний ландшафт так перенасыщен этой субстанцией, что в конце концов начинает приобретать над нами реальную власть. Что касается лично меня, то признаюсь: когда я недавно в лунную ночь проходил по долине Боде, мне за каждым кустом, за каждым стволом ольхи мерещилась ведьма.

– Хорошенькая или уродина? – спросила Роза. – Будьте осторожны, господин фон Гордон. Неспроста вам ведьмы померещились. Это ваши внутренние голоса.

– Ох, не пугайте. И не забывайте, милостивая государыня, что где зло, там и спасение. Хотя в этом краю отовсюду грозят опасности, но и средств спасения здесь, слава Богу, больше, чем где бы то ни было. И добродетель всегда торжествует, а зло всегда бывает посрамлено. Вы, наверное, слышали о Девичьем утесе³³? Но к чему уноситься в дальнюю даль? Как раз здесь, совсем близко от нас, имеется такое пристанище, такое спасительное убежище. Вон там (и он обернулся назад) – скала Конское копыто. История названия, вероятно, для вас не секрет. Одна добродетельная принцесса ехала верхом, ее преследовал некий рыцарь, тоже ехавший верхом, но недобродетельный. Принцесса, подгоняемая смертельным страхом, перелетает через Боде, и там, где ее конь счастливо выносит ее на берег и топает копытом, у нас теперь имеется Конское копыто. На этом примере вы видите, насколько я был прав, утверждая: где зло, там и спасение.

– Меня ваш пример не убедил, – рассмеялась Роза. – Во всяком случае, не настолько, как вы полагаете. Ведь различие как раз в том, кто кого преследует: опасный рыцарь – красавицу-принцессу, или напротив – роковая красавица-принцесса...

– Что хорошо одному, хорошо и другому.

– О, вовсе нет, господин фон Гордон. Девушке, попавшей в беду, принцессе или нет, всегда придут на помощь, тут и небо творит свои чудеса, вмешивается высшая сила и переносит коня через реку, как будто он крылатый. Но когда роковая красавица-принцесса, или даже всего лишь роковая красавица-ведьма (что иногда совпадает), преследует рыцаря или кавалера, тут небо бездействует, разве что крикнет: спасайся, мол, сам. И это правильно. Ведь кавалеристы – сильный пол, вот пусть и помогают себе сами.

Сент-Арно заплотировал художнице, и даже Сесиль, которая в начале словесной дуэли не могла подавить легкого недомогания, осознала безобидную ненамеренность этой маленькой пикировки и безудержно развеселилась. Даже кисловатый кофе с безобразной молочной пенкой, именуемой по всему Гарцу сливками, не испортил ей хорошего настроения и разве что побудил ее, во избежание возможной тошноты, попросить содовой воды, что, разумеется, отнюдь не достигло цели, так как вода оказалась солоноватой.

– Если принцесса Конского копыта, – сказал полковник, – хотела восстановить свои силы после скачки, ей, надеюсь, удалось это лучше, чем нам. Однако же (и с этими словами он поклонился Розе) у нас есть перед нею одно преимущество – приятное знакомство, которое мы имели честь завязать.

– И которое, надеюсь, продолжится, – дружелюбно добавила Сесиль. – Можно ли надеяться, что мы завтра встретим вас за табльдотом?

---

³² *Брокен* – самая высокая гора Гарца (1141 м). По легендам (начиная с XVI в.) – место слета ведьм на Вальпургиеву ночь с 30 апреля на 1 мая (см., например, «Фауст» Гёте). С Брокеном связано множество легенд и суеверий. Гора окутана туманом 300 дней в году.

³³ *Девичий утес* (Mägdesprung) – населенный пункт на южной стороне Гарца, в 11 км от Тале. Буквально название переводится как «Девичий прыжок» и связано с распространенным фольклорным сюжетом о спасении благодаря прыжку с большой высоты. Одну из таких легенд и пересказывает далее Гордон.

– Завтра я намеревалась перебраться в Кведлинбург, сударыня, не хотелось бы нарушать свои планы. Но я была бы счастлива, присоединиться к вам сегодня пополудни и потом позже, может быть, на обратном пути.

Обратный путь был вскоре намечен, а именно по так называемому Желобу, откуда открывался вид на собственно скалу Конское копыто, то есть главную местную достопримечательность.

– Как твои нервы, выдержат? – спросил полковник. – Или лучше взять носилки? Дорога на Конское копыто еще ничего. Но дальше – с горки вниз. Там довольно крутой спуск, большая нагрузка для крестца и спины или, выражаясь по-научному, для *вертебральной оси*.

Бледное лицо красавицы залила краска смущения. Гордон ясно видел, что столь подробное обсуждение ее телесной слабости было для нее мучительным. Она не понимала, что нашло на Сент-Арно, ведь обычно он был очень деликатен.

– Только не носилки, Пьер, – сказала она, преодолевая себя. – Это для умирающих. А я, слава Богу, поправилась, и с каждым часом чувствую себя лучше, здесь такой благотворный воздух... Думаю, вам не стоит волноваться за меня.

И она с улыбкой обернулась к Гордону.

Итак, они двинулись в путь и сначала поднялись на Конское копыто, знаменитую смотровую площадку в горах, куда приходило множество народу, группами и в одиночку. Они стояли перед ларьком с напитками, болтали, смеялись и вызывали эхо. Многие держали в руках пивные кружки, а те, кто не доверял местной пивоварне – фляжки с коньяком. В том числе и оба берлинца. Заметив, что к ним приближаются Сент-Арно с художницей, а за ними Гордон с мадам, они с подчеркнутой любезностью отошли в сторону, но только для того, чтобы дать тем большую волю своей развязности.

– Погляди-ка на долговязую, – сказал Старший. – Впечатляет.

– Да. Немного плоскогруда, напоминает гладильную доску.

– А мне нравится.

– Не в моем вкусе. Впрочем, не станем же мы из-за этого ссориться. *Chacun a son goût*³⁴. А теперь скажи-ка мне, ты какой фант выбираешь: затычку или вязальную спицу?

– Я за Берлин.

– Заметано.

И, весьма довольные вниманием публики к их возросшей веселости, они чокнулись коньячными фляжками.

---

³⁴ У каждого свой вкус. (*фр.*) – цитата из оперетты Штрауса «Летучая мышь».

Глава седьмая

Гордон подал Сесиль руку и так ловко повел ее вниз с горы, что страшный Желоб был преодолен не только без всяких трудностей, но даже с шутками и прибаутками, причем красавица не раз изумляла своего спутника шаловливыми замечаниями.

– Сент-Арно, если хотите знать, интересничает, когда по каждому поводу упоминает о моих нервах. Прямо как женщина. Но все равно, я его еще удивлю.

И в самом деле, по дороге в отель было условлено, что на следующий день они проводят художницу в Кведлинбург. Это предложение внесла сама Сесиль, и Сент-Арно его одобрил.

Да, нервнобольная женщина, не желавшая ничего слышать о своей болезни, а тем более, упоминать о ней при посторонних, в чем провинился Сент-Арно, держалась мужественно. Но едва она вошла в свой номер и сбросила шляпу, сказала ее непомерная усталость, и Сесиль растянулась в одном из шезлонгов, нуждаясь не столько во сне, сколько в отдыхе.

Когда она поднялась, Сент-Арно спросил, не хочет ли она поужинать на большом балконе. Но Сесиль отказалась, пожелав остаться в номере, тем более что через четверть часа кельнер подал чай, предварительно придвинув стол к открытому окну, за которым высоко над вершинами гор сиял серп луны.

Некоторое время они сидели молча. Потом Сесиль сказала:

– Что это за прозвище, о котором сегодня пополудни упомянула эта барышня?

– Ты никогда не слышала о Розе Бонёр?

– Нет.

Сент-Арно усмехнулся.

– А это что-то такое, что нужно знать?

– Как считать. На мой вкус, дамам вообще не следует знать об этом. В любом случае, чем меньше они знают, тем лучше. Но так уж устроен свет, что требуется быть в курсе, и знать кое-что об этом предмете, хотя бы понаслышке.

– Ты знаешь...

– Я знаю все. И когда гляжу на тебя, вот как сейчас, то отношу себя к тем, кто может подарить себе... еще чашку чая, пожалуйста... радость видеть тебя. Ну, смейся, смейся, мне так нравится, когда ты смеешься. Впрочем, оставим эти глупые разговоры о знании. И все же, тебе стоило бы немного озаботиться такого рода вещами, прежде всего, больше видеть, больше читать.

– Я много читаю.

– Но не то, что следует. Я тут недавно заглянул в твой секретер и ахнул. Во-первых, желтый французский роман. Ну, это еще куда ни шло. Но рядом лежал какой-то Эренштрём: «Картина жизни, или сепаратистское движение в Уккермарке». Что это? Ведь это просто смешно, дешевая душеспасительная брошюрка. На этом далеко не уедешь. Не знаю, полезно ли такое чтение для твоей души, допустим, полезно, хотя я сильно сомневаюсь. Но что толку от Эренштрёма в светской жизни? Может быть, он прекрасный человек, может быть, даже искренний, и я охотно признаю за ним место на лоне Авраамовом³⁵, но для кругов, в которых мы вращаемся, или, по крайней мере, должны вращаться, для этих кругов, Эренштрём ничего не значит. А Роза Бонёр³⁶ значит весьма многое.

---

³⁵ Библейское выражение (Лк. 16:22). Лоно Авраама – символ рая, упокоения души от греха и страданий.

³⁶ Роза Бонёр (1822–1899) – известная французская художница-анималистка. *Bonheur* означает «счастье», «благополучие» (фр.). Прозвище *Malheur*, напротив, переводится как «несчастье», «беда» (фр.). Учитывая созвучие с нем. *Maler* – «художник», шутка практически в точности соответствует русскому выражению «художник – от слова „худо“».

Она кивнула, покорно и рассеяннo, как почти всегда, когда обсуждалось что-то, не имеющее прямого отношения лично к ней или ее склонностям. Поэтому она быстро переключилась на другую тему.

– Конечно, конечно, так оно, наверное, и есть. Мадемуазель Роза, похоже, премилое создание и притом веселое. Может быть, она немного переигрывает. Но мужчины любят веселость, и господин фон Гордон ни за что не захочет стать исключением. Мне показалось, что его весьма заинтересовала эта разговорчивая барышня.

– Нет, мне, напротив, показалось, что он интересуется дамой, которая мало говорила и много молчала, по крайней мере, пока мы находились в горах, на Конском копыте. И я знаю кое-кого, кому тоже так показалось, и кто знает это еще лучше, чем я.

– Ты думаешь? – сказала Сесиль, чьи черты вдруг оживились, потому что она услышала то, что хотела услышать. – Какой час? Я страшно устала. Но ты принеси еще одну подушку и плед, чтобы мы могли еще мгновение полюбоваться на горы и послушать журчание Боды. Ведь это Бода журчит?

– Конечно. Мы же проходили по долине Боды. Вся вода здесь – Бода.

– Да-да, помню. Видишь, какой месяц ясный. Значит, завтра будет прекрасная погода для прогулки. Господин фон Гордон превосходный проводник. Только слишком много рассуждает о вещах, которые не каждому интересны, о степных волках и степных коршунах и картинах неизвестных мастеров. Терпеть не могу разговоры о картинах.

– Ах, Сесиль, – рассмеялся Сент-Арно, – как ты себя выдаешь! Ты считаешь, он должен изображать из себя столпника или йога, как будто он все еще в Индии, и десять лет не произносить ни одного слова, кроме твоего имени. Забавно. Ты его ревнуешь. Ревнуешь – к кому?

И вот наступило завтра.

Ехать решили с утра или хотя бы до обеда, на этом настоял Гордон, и прежде чем пылящий паровоз миновал последние деревенские усадьбы и живописную рощу красных буков барона Бухешена на другом берегу реки, Сесиль, упершись ножками в сиденье напротив, заявила:

– Обсудим программу, господин фон Гордон. Хорошо бы управиться побыстрее. Не стоит смотреть слишком много, не правда ли, мадемуазель Роза?

Роза согласилась, скорее, из вежливости, чем по убеждению. Она, как и все берлинские барышни, страдала неутолимой жадностью знаний и готова была слушать и смотреть бесконечно. Впрочем, Гордон пообещал, что проявит милосердие. В Кведлинбурге, мол, всего четыре достопримечательности: ратуша, церковь, потом замок и, наконец, Брюль.

– Брюль? – удивилась Роза. – А Брюль-то зачем? Ведь это всего-навсего улица, где торгуют мехами. По крайней мере, в Лейпциге.

– Но не в Кведлинбурге, милостивая государыня. Кведлинбургский Брюль намного элегантней, если хотите, это Тиргартен или Булонский лес с прекрасными деревьями и всевозможными статуями и строениями. Там есть чугунный памятник знаменитому географу Карлу Риттеру и ротонда в честь Клопштока, с его бюстом.

– Значит, Брюль, – вздохнула Сесиль, не имевшая ни малейшего понятия о ротондах и чугунных монументах. – А этот ваш Брюль далеко от города?

– Нет, мадам. Недалеко. Но далеко или нет, мы можем его пропустить, я имею в виду Брюль, а также ратушу, хотя там стоит каменная статуя Роланда и имеется сколоченный из досок большой ящик с висячим замком, где изрядное время просидел в заперти Регенштайнер³⁷ – конечно, разбойник с большой дороги или что-то в этом роде.

---

³⁷ *Регенштайнер* – прозвище графа Альбрехта II фон Регештайна (ок. 1293–1349). В XIX в. его ошибочно считали рыцарем-разбойником. Весной 1336 г. он вступил в конфликт с тезкой – епископом Альбрехтом II Хальберштадским, разорил кведлинбургские угодья и занял восточную часть Кведлинбурга. Фон Регенштайн был взят в плен в июле 1336 г. и после длительных переговоров в марте 1338 г. подписал так называемый Договор об искуплении, признав епископа протектором

– С висячим замком, – с любопытством повторила Сесиль, которую Регенштайнер заинтересовал куда больше, чем Клопшток. – С висячим замком. А ящик, куда его заперли, он большой?

– Не больше, чем ящик для яблок. В таких ящиках мы любили прятаться в детстве, дрожа от счастья и ужаса. Особенно от ужаса. Потому что, когда падал засов, ты всегда оказывался в душном ящике, охваченный смертельным страхом, в такой же тесноте, как этот Регенштайнер. Но настоящий Регенштайнер (кстати сказать, он никак не мог быть астматиком), несмотря на духоту и тесноту, не сдавался. Двадцать месяцев он проторчал в этом узилище, куда сквозь узкие щели едва попадал воздух. И лишь время от времени приходили обыватели и обывательницы Кведлинбурга, заглядывали в ящик и ухмылялись.

– И тыкали в него своими зонтиками.

– Без сомнения, мадам. Во всяком случае, весьма вероятно. Буржуазия никогда не пила слишком много из кубка гуманности, а в то время исповедовала особенное воздержание. И либеральная историография, простите мне этот экскурс, мадам, глубоко заблуждается, изображая бюргера ягненком, а дворянина волком. «В Нюрнберге не повесим никого, если прежде мы не схватим его». Обыватели Кведлинбурга были столь же милосердны. Но уж если хватали кого нужно, то непременно вешали, причем всячески издеваясь над осужденным.

Сент-Арно, соглашаясь с каждым словом, собрался, со своей стороны, высказать несколько замечаний на близкую его сердцу тему, но тут поезд остановился, и двери некоторых купе открылись.

– Это Кведлинбург? – спросила Сесиль.

– Нет, сударыня, это Найнштедт, маленькая промежуточная станция. Здесь имеется «Линденхоф», а это значит, что здесь обитают Натусиусы³⁸.

– Натусиусы? Кто это? – в один голос спросили обе дамы.

– Ну и вопрос, – рассмеялся Гордон. – За него вышеупомянутое семейство поставило бы вам единицу. Мадам, чей протестантизм, судя по некоторым признакам, кажется мне, пардон, несколько сомнительным, получает отпущение грехов. Но вы-то, вы-то, мадемуазель Роза... Вы же из Берлина, ай-ай-ай.

– Никаких выговоров, никаких насмешек. Отвечайте просто и прямо: кто такие Натусиусы?

– Ну что ж, Натусиусов много, и они самые разные. Не претендуя на полноту моих сведений, скажу, что среди них есть люди набожные и люди, причастные к литературе, сельскому хозяйству, политике. Они издавали книги и «Крестовую газету», вывели породу овец рамбулье, а кто-то из них даже изобрел булавку, благодаря чему сделался миллионером³⁹. Но это дела давно минувших дней, ведь в шести, по крайней мере, городах, где мне довелось жить, богатство самых богатых всегда происходило от булавки. Вообще самые лучшие истории – это старинные предания, которые встречаются повсюду. Всемирное, так сказать, достояние. Мы с вами думаем, что те или иные легенды возникли между Хавелем и Шпрее, что их спасли от забвения братья Гримм, а я встречал их в Тибете и Гималаях.

Роза не желала об этом знать и упрямо расхаживала по вагону взад и вперед, пока повторная остановка не положила конец спору.

– Кведлинбург, Кведлинбург!

Наши путешественники вышли на перрон и проводили взглядом тронувшийся через минуту поезд.

Кведлинбурга. По легенде, все это время графа держали в ящике, установленном в патуше. (См. Jacobs, Eduard, «Regenstein, Albrecht II.», in: Allgemeine Deutsche Biographie 53 (1907), S. 260–267 unter Regenstein, Albrecht II. Graf von).

³⁸ *Натусиусы* – Старинный дворянский род. Начиная с XVII в. более 30 представителей рода обрели известность в той или иной сфере деятельности.

³⁹ *Сахарные миллионеры*. – В окрестностях Кведлинбурга было множество плантаций сахарной свеклы.

Глава восьмая

На перроне было жарко. Сесиль, как все нервные люди, чувствительные к температурным условиям, хотела укрыться в тени, и Гордон предложил наконец зайти в просторное здание вокзала и спокойно обсудить план действий, который все еще оставался неопределенным. Так они и сделали. Вычеркнув из программы Брюль, а заодно и ратушу, все без долгих размышлений согласились удовольствоваться замком и церковью. Гордон уверял, что они расположены поблизости друг от друга, и дорога, если держаться окраины города, не будет слишком утомительной для мадам.

Предложение было быстро принято, дамы еще выпили по стакану малиновой воды, и уже через минуту путники пересекли залитую тропическим солнцем привокзальную площадь и зашагали вдоль Боде. Река обтекала город полукругом, и по ее берегам росли роскошные старейшие тенистые деревья. Рядом с ними плескалась вода, вокруг них прыгали-скакали солнечные зайчики, и компания развлекалась тем, что все время перебегала по деревянным мостикам с одного берега на другой, чтобы постоянно оставаться в тени. Это было восхитительно, а восхитительнее всего были сады, вплотную подступавшие к Боде. Они открывали вид на, казалось, бесконечные цветочные клумбы, вроде тех, что очаровали Сесиль во время путешествия поездом из Берлина в Тале. Вот и сегодня она не могла досыта насмотреться на роскошество цветов и красок, часто образующих целые узоры. И даже, против обыкновения, проявила интерес, когда Гордон, вдаваясь во все подробности, принялся рассказывать о двух крупных цветочных фирмах города. На кведлинбургских пакетах с семенами, рассылаемых по всему миру, владельцы этих фирм сделали состояние, по крайней мере, не уступавшее богатству местных сахарных миллионеров.

– Как интересно. Сахарные миллионеры! Звучит прелестно. – Она остановилась и сквозь позолоченную решетку заглянула в сад, где пролегалла широкая тропа. – Вон та лиловая клумба, это левкой, да?

– А красные цветы? – спросила Роза. – Как они называются?

– Наперстянка пурпурная. В здешних краях известна как «жгучая любовь».

– Господи, как ее много.

– И все же спрос на нее высок. Сказать вам, сударыня, каково потребление?

– Ах, – обронила Сесиль, и в ее взгляде вдруг вспыхнула искра, не ускользнувшая от внимания пронизательного Гордона. Эта искра больше, чем все предыдущие наблюдения, раскрыла ему характер Сесили, ее жажду поклонения и успеха. Но это томное создание производило на него приятное впечатление. Сесиль была ему симпатична, и живое участие, к которому примешивалась толика грусти, внезапно пробудилось в его сердце.

С того места, где они стояли, до той части города, где на холме высился замок и лежащая у его подножия церковь, оставалось пройти совсем немного, шагов через сто уже начинался подъем в гору. Подъем был крутоват, но живописные средневековые дома, лепившиеся подобно гнездам, по обеим сторонам улицы, придавали Сесили мужества. И когда она вскоре после этого очутилась на площади, образованной импозантными домами, да еще обсаженной для пущей красоты старыми ореховыми деревьями, к ее мужеству добавились силы, и вернулось хорошее настроение, с которым она начинала прогулку вдоль Боде.

– Это дом Клопштока, – сказал Гордон, снова входя в роль гида и указывая на стоявший немного в стороне дом с колоннами, окрашенный в травянисто-зеленый цвет.

– Дом Клопштока? – повторила Сесиль. – А вы говорили, он стоит на... как это?

– На Брюле. Да, сударыня. Но тут вкралось маленькое недоразумение. На Брюле установлена ротонда в честь Клопштока с его бюстом. А это собственный дом Клопштока, дом, где он родился. Вам нравится?

– Уж больно он зеленый.

Роза рассмеялась громче и сердечнее, чем допускало приличие. Но сразу заметила, что Сесиль помрачнела, и исправила оплошность, заметив:

– Простите, сударыня. Но вы прямо сняли свое замечание у меня с языка. Он и правда слишком зелен. А теперь – вперед! Вперед и выше! Много еще ступеней?

Беседуя таким образом, они преодолели оставшуюся часть пути, поднимаясь по каменной лестнице, чьи боковые стены давали достаточно тени, чтобы защитить экскурсантов от солнца.

Теперь они стояли наверху, полной грудью вдыхая легкий свежий ветер. Обзорная площадка представляла собой средней величины двор, разделявший замок и церковь аббатства. Кроме тени и солнечных пятен, на дворе находилось лишь двое мужчин, стоявших у дверей обоих строений, как хозяева постоянных дворов, поджидающие гостей. И в самом деле, это были кастелян замка и пономарь. Они поглядывали друг на друга не то чтобы с ненавистью, но все же с выражением беспокойства на физиономиях, ожидая, в какую сторону склонится чаша весов, поелику посетители, даже приняв решение, все еще топтались на месте.

В программе значился осмотр замка и церкви, и этот план пересмотру не подлежал. Но вопрос о приоритете оставался открытым. Гордон и Сент-Арно с недоумением взирали друг на друга. Наконец, полковник сделал выбор, заметив с налетом легкой иронии, что сначала нужно послужить господину, а потом помолиться Господу. Гордон отреагировал на это решение в том же тоне:

– Прусская мораль! Но мы ведь и есть прусаки.

Так что они быстро и решительно двинулись направо, в сторону кастеляна, разумеется, удостоив стоявшего слева пономаря приветствием, подающим надежду. Пономарь, любезно улыбнувшись, в свою очередь поклонился гостям. Казалось, такой ход вещей его вполне устраивал. Ибо колокола городской церкви как раз зазвонили к обедне, и с кухни донесся запах жареной колбасы. Возможно, вторая очередь была для пономаря даже предпочтительней.

Все эти маневры подметила одна лишь Роза, проницательный взгляд художницы мгновенно оценил их по достоинству, а тем временем все четверо уже входили в вестибюль замка, минуя почтительного кастеляна. Человек этот сразу располагал к себе любезностью и приятностью обращения, но, с другой стороны, в его поведении чувствовалась неуверенность, чуть ли не нечистая совесть, как у торговца лотерейными билетами, заведомо знающего, что он навязывает пустышки. И в самом деле, весь его замок, с первого до последнего помещения, оказался сплошной пустышкой. Ценности, некогда там хранившиеся, давно исчезли, и хранителю бывшего великолепия оставалось только говорить о вещах, которых больше нет. Тяжелый долг. Он исполнял его довольно ловко, превращая традиционную экскурсию с показом имеющихся достопримечательностей в исторический доклад об исчезнувших экспонатах. Руководствуясь верным инстинктом, он каждый раз выходил из неудобного положения, прибегая к ценной помощи исторических анекдотов.

Роза, чья любознательность рассчитывала на целые залы, увешенные полотнами Рубенса⁴⁰ и Снайдерса⁴¹, Ваувермана⁴² и Поттера⁴³, держалась как можно ближе к кастеляну, стараясь вызвать его симпатию всякого рода умными вопросами.

---

⁴⁰ *Рубенс*, Питер Пауль (1577–1640) – великий фламандский художник эпохи барокко.

⁴¹ *Снайдерс*, Франс (1579–1657) – фламандский художник, мастер натюрмортов и анималистической композиции в стиле барокко.

⁴² *Вауверман* (Воуверман) – семейство нидерландских художников эпохи барокко (отец и трое сыновей). Наиболее известен старший сын Филипп (1619–1668). Он прославился своими сценами охоты, портретами всадников, изображениями лошадей и пейзажами с элементами действия.

⁴³ *Поттер*, Паулюс (1625–1654) – нидерландский художник, представитель «золотого века» голландской живописи. Прославился пейзажами с домашними животными.

– Значит, в этих залах была резиденция кведлинбургских аббатис? – начала она с наигранным любопытством, потому что медвежья охота и олени с шестью рогами были ей куда интереснее, чем портреты дам с прическами *a la* мадам Помпадур...

– Да, мадам, – отвечал кастелян, принимая нашу приятельницу из-за ее веселого нрава, а возможно, и пышных форм, за светскую даму в счастливом замужестве. – Да, мадам. Настоящая резиденция, то есть со свитой и короной. Ведь кведлинбургские аббатисы были не обычными настоятельницами, они имели княжеский титул, и со времен Мехтильды, сестры Оттона Великого⁴⁴, заседали в рейхстагах на княжеской скамье. И здесь, в замке, тоже был тронный зал. Это соседний зал, где я хотел бы обратить ваше, сударыня, внимание на красные обои дамастовой ткани. Дамаст из Арраса.

И с этими словами он провел их из маленькой приемной, которую они осмотрели, в большой тронный зал. Помимо столь торжественно упомянутых обоев, в нем не осталось ничего от прежней роскоши, разве что паркетный пол.

Роза недоуменно озиралась вокруг. Заметив это, экскурсовод быстро продолжил свое повествование, дабы возместить искусством рассказчика полное отсутствие достопримечательностей.

– Итак, сударыня, перед вами тронный зал, – начал он. – А вот здесь, где не хватает обоев, стоял самый трон, тоже красный, но обитый не камкой, а красным бархатом, обрамленный горностаем и украшенный гербом княгинь-аббатис: две чаши и кубок.

– Ах, – сказала Роза. – Две чаши и кубок... Очень интересно.

– А здесь, – продолжал кастелян, указывая на огромную, но пустую золоченую раму (и голос его при этом звучал все более проникновенно, почти торжественно), здесь, в этой золотой раме, помещалась главная достопримечательность замка: зеркало из горного хрусталя. Зеркало из горного хрусталя, говорю я, каковое в настоящее время находится в скандинавских странах, а именно в королевстве Швеция.

– В Швеции? – переспросил Сент-Арно. – Но как оно туда попало?

– Окольными путями и благодаря странному стечению обстоятельств, – возобновил кастелян свой исторический доклад. – Дело в том, что нашей последней княгиней-аббатисой была принцесса Шведская, Жозефина-Альбертина, дочь королевы Ульрики, сестры Фридриха Великого⁴⁵. Ее блестящее и благотворное правление длилось двадцать лет кряду. Живя здесь, в своей резиденции, Жозефина-Альбертина любовалась собой, глядя в это зеркало. Оно было ее гордостью и талисманом. Но наши края перешли во владение короля Жерома Вестфальского⁴⁶. И ей пришлось расстаться со своим замком и всем, что в нем имелось, включая зеркало. Потому что ей едва хватило времени на самое необходимое, не говоря уж о том, чтобы упаковать и забрать с собой вещи второстепенные, пусть даже и дорогие ее сердцу.

– И что было дальше?

– Ну, король Жером, который так любил повторять: «Завтра снова веселимся», нуждался в очень больших деньгах, и ему пришлось пустить с молотка весь инвентарь замка. Он объявил во всех газетах, немецких и иностранных, что наряду с прочими сокровищами замка выставляет на аукцион знаменитое зеркало горного хрусталя. Принцесса Жозефина-Альбертина к

---

⁴⁴ Кастелян путается в именах и фактах: Матильда (955–999), ставшая в 11 лет первой аббатисой Кведлинбурга, была не сестрой, а дочерью Оттона I Великого (912–973), короля Германии, основателя и императора Священной Римской империи. Мехтильда Магдебургская (1207–1282) – религиозная мистическая писательница, автор семи томов «Струящегося света Божества». Повлияла на творчество Данте и упомянута в «Божественной комедии», но не имеет отношения к Кведлинбургу.

⁴⁵ Кастелян снова ошибся именем: последняя аббатиса Кведлинбурга – София-Альбертина (1753–1829), действительно, дочь короля Швеции Адольфа-Фридриха (1710–1771) и принцессы Луизы-Ульрики Прусской (1720–1782), т. е. сестры знаменитого короля Пруссии Фридриха II Великого (1712–1786).

⁴⁶ Жером Вестфальский. – Жером Бонапарт (1784–1860) – младший брат Наполеона I, в 1807–1813 гг. король Вестфальского королевства.

тому времени вернулась в Швецию, поскольку Бернадот еще не стал шведским королем⁴⁷. Она только и ждала этого момента и отдала строгий приказ выкупить зеркало за любую цену, какую назначат за него или поднимут на аукционе. Не знаю, насколько высока была цена, знаю лишь, что оно стоило целое состояние. Поговаривали о тонне золота. Так или иначе, зеркало попало в Швецию, в Стокгольм, где оно и находится по сей день. Его показывают в музее Риддерхольм.

– Прелестно, – сказал Сент-Арно. – В общем и целом, история понравилась мне больше, чем зеркало.

Гордон и Роза полностью разделяли его мнение, но отнюдь не Сесиль. Она предпочла бы увидеть свое отражение в зеркале горного хрусталя. Поэтому вторая половина рассказа показалась ей слишком растянутой, и она вышла на балкон, откуда открывался вид не только на горы, но и на просторный парк, полукругом обрамлявший замок. Там перемежались декоративные кустарники и цветочные террасы, но вскоре взор Сесиль привлек невысокий обелиск из песчаника, наполовину вмурованный в фундамент замка, наполовину выступавший из старой кладки, наподобие горельефа. На цоколе, украшенном гирляндами, кажется, имелась надпись.

– Что это? – спросила Сесиль.

– Надгробие.

– Какой-нибудь аббатисы?

– Нет, песика. Анна-Софи, пфальцграфиня Рейнская, предпоследняя княгиня-аббатиса, приказала похоронить его на этом месте.

– Странно. А можно прочесть надпись?

– Прошу, – отвечал кастелян, вручая дамам бинокль, который он на этот случай всегда носил с собой.

И Сесиль прочла:

– «У каждой твари свое предназначение. И у пса также. Этот пес исполнил свое предназначение, ибо был верен до самой смерти».

Гордон от души расхохотался.

– Памятник собачьей верности! Великолепно! На что будет похож наш мир, если сооружать обелиск каждому верному псу? Вполне в стиле барокко.

Роза с ним согласилась, а Сесиль, сбита с толку, отошла от окна и машинально, не сознавая, что делает, постучала по стене, в том месте, где некогда стояло хрустальное зеркало.

– Что еще предстоит нам увидеть? – спросил Гордон.

– Покои Фридриха Вильгельма Четвертого.

– Фридрих Вильгельм Четвертый? А он как сюда попал?

– В первые годы своего правления он приезжал сюда каждую осень, чтобы устроить большую охоту в Гарце. Когда в 48-м году закончился срок его привилегии, совет и горожане запретили ему охотиться, и он так огорчился, что больше никогда не приезжал.

– И правильно делал. Ох, уж эти мне буржуазные нравы. Ну, показывайте покои.

Выйдя из тронного зала, они оказались в низеньких комнатах, обставленных мебелью красного дерева. Мещанская безвкусица обстановки нагоняла безмерную скуку.

Мечта Розы увидеть полотна великих анималистов быстро испарялась, но она продолжала задавать интересующие ее вопросы. Разумеется, безуспешно.

– Полотна анималистов? – переспросил кастелян тоном, в котором нашей художнице послышалась легкая насмешка. – В этом замке их нет. У нас только портреты княгинь-аббатис. Но зато в полном составе. А кроме них есть кведлинбургские лютеранские священники (также почти все). Один из них, по старому обычаю, проповедовал здесь, наверху. Он служил не только в городе, но и при дворе, после проповеди оставался на обед и засиживался порой

---

⁴⁷ Жан Батист Жюль Бернадот (1763–1844) – маршал французской Империи, с 1818 г. – под именем Карл XIV Юхан – король Швеции и Норвегии, основатель правящей шведской королевской династии Бернадотов.

допоздна. Вот на этом портрете изображен бледноватый молодой человек, умерший во цвете лет от истощения. Он был проповедником во времена шведской принцессы Жозефины Альбертины, той самой, что выкупила хрустальное зеркало. А вот это – принцесса собственной персоной.

При этом он указал на портрет средневековой дамы с большим курфюрстовским носом, завитками на лбу и в тюрбане с брошкой, чья необычайная дородность служила объяснением едва заметных выпадов кастеляна по адресу ее духовника.

Некоторые портреты многократно повторялись, из-за чего количество аббатис казалось булышним, чем в действительности. Роза непременно хотела услышать их имена, но все это были имена мертвые, за исключением одного – графини Авроры фон Кёнигсмарк⁴⁸.

И вот теперь все с явным любопытством подошли к ее портрету, даже Сесиль. Примерно год назад она с большим увлечением прочла исторический роман, героиней коего была графиня, и теперь была так очарована портретом, что не желала ничего слышать о его недостоверности, отменяя все приводимые тому доказательства.

Гордон, заметив, что его аргументы пропадают втуне, обратился за поддержкой к Розе.

– Помогите мне. Я не в состоянии убедить мадам в своей правоте.

– Вы так плохо знаете женщин? – рассмеялась Роза. – Неужели?

– Что ж, вы правы. В конце концов, кто возьмется доказывать, что верно и что недостоверно в портретах? Но два момента не нуждаются в доказательствах.

– А именно?

– Ну, во-первых, что нет ничего более мертвого, чем подобная галерея старых принцесс в нелепых тюрбанах.

– А во-вторых?

– Что в такой галерее приукрашенных женских портретов разница между «красавицей» и «дурнушкой» не играет никакой роли. Более того, галерея дурнушек была бы предпочтительней. Ах, сколько я перевидал этих *Galleries de beauties*⁴⁹, с их традиционным однообразием и скукой, и все они до единой приводили меня в отчаяние. Уже самая история их возникновения в большинстве случаев есть оскорбительное поправление вкуса и хорошего тона. Ведь все их меценаты, учредители, благотворители и дарители – кто они? Пожилые господа князья, всегда более или менее мифические. Не довольствуясь самой действительной действительностью, они, прошу прощения у дам, желают насладиться своими красавицами еще и *en effigie*⁵⁰. Тот из них, о ком говорили, что он всегда говорил умно и всегда поступал глупо, переплюнул всех своей галереей Магдалин (разумеется, Магдалин до покаяния). Это был, понятное дело, один из Стюартов⁵¹. А наши немецкие князьки пошли по его стопам и пришли к тому же. Помнится, на меня произвела большое впечатление голова Лолы Монтес или, если угодно, графини Ландсфельд⁵². Еще бы: все они становились графинями, если не предпочитали называться святыми.

– Ах, как вы добродетельны, – рассмеялась Роза. – Но меня вы не обманете, господин фон Гордон. Старая пословица гласит: «Чем больше дон Жуан, тем больше Торквемада»⁵³.

---

⁴⁸ Мария Аврора фон Кёнигсмарк (1662–1728) – любовница курфюрста Саксонии Августа Сильного (1670–1733), мать французского полководца Морица Саксонского (1696–1750), настоятельница Кведлинбургского аббатства. Вольтер считал ее наряду с Екатериной II «знаменитейшей женщиной двух столетий».

⁴⁹ галерея красавиц (*фр.*)

⁵⁰ в изображении (*фр.*)

⁵¹ Стюарты – династия королей Шотландии, Англии, Ирландии и Великобритании. Король Карл I был обезглавлен в 1649 г. по время Английской революции.

⁵² Настоящее имя Элизабет Розана Гилберт (1821–1861) – ирландская актриса и танцовщица, влиятельная и капризная фаворитка короля Баварии Людвига I. В 1847 г. получила титул «графиня Мария Ландсфельд». В 1848 г. Людвиг отрекся от престола, а Гилберт эмигрировала в США.

⁵³ Томас де Торквемада (1420–1498) – основатель испанской инквизиции, первый Великий инквизитор.

Сесиль промолчала и, словно обессилив, опустилась в кресло, стоявшее в одной из глубоких оконных ниш. Сент-Арно, который, кажется, понял, что с ней происходит, распахнул створку окна. В комнате повеяло свежестью.

– Ты измучена, Сесиль. Отдохни.

Она взяла его за руку и сжала ее, как будто благодарила за участие. Губы ее дрожали от волнения.

Глава девятая

Приступ слабости миновал быстрее, чем ожидалось, и дальнейший осмотр замка, а потом и монастырской церкви протекал ко всеобщему удовольствию. Особенно радовалась Сесиль. Более того, посещение великолепной прохладной церкви придало ей новые силы, так что по ее предложению программа была перевыполнена, и все отправились к ратуше, где сначала полюбовались Роландом, а потом узилищем Регенштайнера. Затем там же состоялся завтрак, больше похожий на обед. Было заказано кульмбахское пиво, которым славилась ратуша, и Сесиль пришла в восторг.

– Насколько же это лучше, чем табльдот, – сказала она. – Пьер, *votre santé*⁵⁴... Мадемуазель Роза, приятного аппетита... Господин фон Гордон, за ваше здоровье.

Она болтала, чокалась кружкой, сочувствовала Регенштайнеру, ведь он восемнадцать месяцев не отведывал ничего подобного, и вообще ребячилась. Но когда художница заговорила о портретах аббатис и между прочим заметила, что в зале ратуши (как ей только что шепнул хозяин пивной) есть еще один портрет Авроры, куда более красивый и уж точно более подлинный, чем в замке, Сесиль вдруг нахмурилась, а потом заметила обиженно и чуть ли не грубо:

– Картины и снова картины. К чему? Хватит с нас картин.

К пяти часам они вернулись в Тале, и Сесиль, мечтавшая об отдыхе, простилась до конца дня.

– До завтра, мадемуазель Роза; до завтра, господин фон Гордон.

И вот это завтра наступило.

Накануне вечером Гордон слушал концерт и успел в антракте побеседовать с художницей о Самарканде и Верещагине, а потом с Сент-Арно, также пришедшим на концерт, о кведлинбургском Роланде, Регенштайнере и многом другом. Теперь, уютно расположившись в кресле у окна, он наслаждался свежестью утра, пуская в воздух дым гаванской сигары. При этом он перебирал в памяти впечатления вчерашнего дня, в том числе портреты княгини-аббатис, мысленно сопровождая череду их гротескных фигур насмешливо-назидательными замечаниями. «Ох уж эти мне гран-дамочки прошлого столетия! Какими забавными увидит их более свободная эпоха! Да они и теперь уже вызывают смех. Самый подходящий объект для карикатур. Почти все уродливы или дурно сложены, и у каждой непременно камергер и мопс. К тому же они не мылись, а если мылись, то миндальными отрубями. Они были необразованны и спесивы. Да, спесивы, но только не со своим лакеем». Он продолжал рисовать все это в своем воображении, пока вдруг гротескную череду аббатис не заслонила грациозная фигурка Сесиль, то веселой, то грустной, в точности такой, какою она являлась ему прошедшим днем. Он вспомнил, как она, перегнувшись через балкон, читала эпитафию на надгробии болонки, и как во время разговора о галереях красавиц чуть не упала в обморок. Случайность? Нет. Что-то за этим скрывалось. А потом ему припомнился ее веселый смех, он увидел, как, сияя счастьем, она чокается своею кружкой: «Пьер, твое здоровье! Ваше здоровье, мадемуазель Роза! Ваше здоровье, господин фон Гордон!» И он вдруг ясно понял: какая бы тяжесть ни лежала у нее на сердце, это было сердце ребенка, детская душа, несмотря ни на что.

«Клотильда должна знать о ней, – сказал он себе. – А если не знает, то должна была что-то слышать. Лигниц⁵⁵ как раз подходящее место, город не слишком большой, не слишком маленький, и чего не знают в полку, знают в дворянском лицее. Все жители Силезии⁵⁶ так

⁵⁴ ваше здоровье (*фр.*)

⁵⁵ *Лигниц* – немецкое название города Легница в Южной Польше. До 1919 г. город принадлежал прусской провинции Силезия.

⁵⁶ Силезия – историческая славянская область на территории нынешних Польши, Чехии и Германии. В 1740–1919 гг. полностью входила в состав Пруссии и Германской империи.

или иначе состоят в родстве, все они – упрямцы и любители перемывать кости ближнему. Их хлебом не корми, дай только повод посплетничать. Да, Клотильда должна быть в курсе дела, а мне все равно давно пора ей написать, значит, убью двух зайцев, *two birds with one stone*⁵⁷. Правда, сестрица на летнем отдыхе, торчит где-нибудь в горах, в Ландеке или в Рейнерце, или даже в Богемии. Ну и что? Почта и там ее найдет. Иначе на что нам Штефан⁵⁸? Он ведь у нас второй после Бисмарка».

И, отложив сигару, он взял конверт и размашистым почерком начертал адрес: «Мадемуазель Клотильде фон Гордон-Лесли, Лигниц, Ам Хааг, За».

Потом отложил конверт, взял две открытки с видами на Лысую гору и Конское копыто и принялся писать.

«Дорогая Клото. Сегодня ровно месяц, как я расстался с тобой и Элси. Месяц назад я покинул ваш печальный дом, но только неделю назад, вернувшись из Лигница в Берлин, я нашел письма, приведшие меня по делам сначала в Гамбург, а потом в Бремен. Могу лишь намекнуть, что речь снова идет о прокладывании кабеля. Из Бремена – сюда, в Тале. Тале – что в Гарце, прошу не путать с одноименным курортом в Тюрингии.

Я не жалею, что выбрал это восхитительное место с его освежающим и укрепляющим воздухом, ибо хороший воздух – не химера, не пустые слова. И кому, как не мне, дышавшему разным воздухом, знать это лучше всего. Мы уповаем на реформу медицины или, по крайней мере, лечебных средств, и лекари будущего предпишут нам три недели в Лофотене, шесть недель в Энгадине, три месяца в пустыне Сахара. В умеренных дозах будут рекомендованы даже малярийные местности, ведь в малых дозах нынче прописывают даже мышьяк. Великая исцеляющая сила воздуха заключается в его вездесущности, ведь вы денно и нощно пребываете внутри своего лекарства.

Здесь я испытал этот эффект на себе, и чувствую, как постепенно освобождаюсь от хандры, терзавшей меня так беспричинно и так долго. Только у вас я чувствовал себя свободным. Здесь то и дело устраиваются вечеринки и экскурсии, на каждом шагу открывается приятная возможность без усилий и напряжения любоваться красотами природы. Красоты, правда, не слишком грандиозны, но это не беда. Я достаточно часто покорял высоту в двадцать тысяч футов, так что здешние две тысячи вполне меня устраивают, спасибо им. Я люблю дальние странствия и, хотя чувствую, что эта страсть ослабевает, надеюсь испытать ее в будущем. Но, с другой стороны, я не любитель острых ощущений ради них самих, и чем с большим комфортом я проплыву вверх и вниз по течению Конго, тем лучше. Силы следует экономить.

Но что мне Конго! Пока что мой мир называется Тале, гостиница „Десять фунтов“, чудесное название для отеля, где чувствуешь, что формы твои буквально округляются, как на рекламе „Где вы питаетесь?“ Такое название мгновенно вызывает мысль о том, что здесь хорошо.

И действительность не разочаровывает. Жить здесь и в самом деле хорошо, приятно и весело. Особенно последние три дня, благодаря прибытию новых гостей, ожививших табльдот. Среди них есть один старый пастор на пенсии, с которым я сразу сошелся, но во вторник приехали новые постояльцы,

---

⁵⁷ двух птиц одним камнем (англ.)

⁵⁸ Штефан, Генрих фон (1831–1897) – генеральный директор почты Северогерманского союза с 1870 года, с 1880 года – статс-секретарь Имперского почтового управления Германии, выдающийся деятель в почтовом деле нового времени.

немного отодвинувшие его на задний план: полковник Сент-Арно с женой. Полковник, хоть и в отставке (не просто резервист) – гвардейский офицер с головы до пят; она, хоть и явно скучает, а может быть, именно поэтому, красавица первого разряда. Чудесный точеный профиль, голова камеи. Глаза словно вглядываются в самое себя и предпочитают смотреть скорее на себя, чем на внешний мир, – особенность, каковую придиричивый брюзга причислил бы, вероятно, к недостаткам и сопроводил довольно прозаическим эпитетом. Но в ней решительно есть нечто странное, и если из-за этого что-то теряет ее *beauté*, с чем я не могу согласиться, то уж никак не ее шарм. Она меня немного смущает, а именно – своеобразной манерой поведения, которую я не могу приписать кокетству, но и отрицать тоже не могу. Есть в ней некая загадочность, или, если угодно, неопределенность и неясность, и хотелось бы ее прояснить. В этом, дорогая Клотильда, ты должна мне помочь. Ведь ты разбираешься в генеалогии, знаешь наизусть список командного состава, зазубрила все регалии офицеров вашего знаменитого гарнизона и лейтенантов соседнего Вальштеттского училища, куда берут из всех провинций. Значит, кое-что ты можешь вывести. Я знаю, что он несколько лет командовал гвардейским батальоном. Он сам проговорился об этом вчера, когда мы возвращались с концерта в гостиницу. Но почему он вышел в отставку? Почему явно избегает так называемого общества?

Но главное – кто такая Сесиль? Ее и впрямь зовут Сесиль. Откуда она? Когда я впервые увидел ее, в моей голове всплыли Брюссель, собор в Ахене, *Sacre Coeur*, но все это оказалось ошибкой. По-моему, у нее легкий саксонский акцент, и если я прав, тем легче ты сможешь удовлетворить мое любопытство.

Мое любопытство? Я поведал бы тебе о более глубоком интересе, но боюсь быть неверно понятым. Она явно многое пережила, испытала горе и радость, она несчастлива в браке, но в ее отношении к супругу все же чувствуется благодарность или даже преданность и сердечность. Но это всегда происходит лишь в те моменты, когда она ищет опору и думает, что нашла ее в нем. Так что, если угодно, привязанность к супругу вызвана скорее потребностью в защите, чем любовью. А иногда простым капризом.

Да, она капризна, что вполне простительно красивой женщине, но ее наивное невежество не может не шокировать. Она хорошо говорит по-французски (правда, хорошо) и кое-что понимает в музыке, но все остальное ей не только не нравится, но и не вызывает желания позлословить, почти всегда свойственного избалованным женщинам. Вчера мы были в Кведлингбурге и проходили мимо дома Клопштока. Я заговорил о поэте и сразу заметил, что это имя она слышит впервые. О том, чего нет во французских романах и итальянских операх, она не ведает ничего. Сомневаюсь, чтобы она читала газеты. Она совершает промах за промахом. Но зато она обладает тем, что перевешивает все ее недостатки: хорошими манерами и чуткостью, то есть душой. Ведь невозможно научиться чуткости, как нельзя научиться истинному чувству. Либо оно есть, либо его нет. Прибавь сюда тот более свободный тон или, по крайней мере, те непринужденные, чуждые всякой тяжеловесности манеры, которые свойственны всем, кто годами вращался в высшем свете и уже только поэтому приобрел *je ne sais quoi*⁵⁹, скажем так, превосходство над более образованными и даже более умными людьми. Она знает, что ничего не

⁵⁹ не знаю что; нечто неопределенное (фр.)

знает, но относится к своему изъяну с обезоруживающей честностью; умеет принять высокомерный вид, но, несмотря на это, скромна до смирения. Она явно страдает нервной болезнью, но полковник слишком уж преувеличивает ее недомогание (возможно, оно его устраивает). Впрочем, тут он может оказаться в довольно щекотливом положении. Ведь если она предпочтет быть больной, а он отнесется к этому легко, она обидится. А если она предпочтет быть здоровой, и это его огорчит, она обидится ничуть не меньше. На Конском копыте я был свидетелем подобной сцены. Мне лично кажется, что она, как все нервноболезные, в высшей степени зависима от внешних впечатлений: то вдруг бледнеет и чуть не падает в обморок, то вдруг проявляет готовность к любым усилиям. Она вообще полна противоречий: ведет себя то как светская дама, то как наивный ребенок. Она редко смеется, но смех ее восхитителен, потому что смеется она от всей души. Ей бы, с таким характером, играть в серсо или в волан. Она так грациозна и легка, что, кажется, могла бы, как этот волан, летать по воздуху. Но с самой юности что-то тянуло ее вниз. Может быть, сама ее красота. Впрочем, не думай, что я намекаю на мезальянс со стороны Сент-Арно. В ней нет ничего, что бы напоминало дочь Талии или даже Терпсихоры⁶⁰. Еще меньше в ней надменности наших офицерских дам или неоправданного самодовольства наших мелкопоместных дворяночек. Ее стиль аристократичнее, ее сфера намного выше. Что тому причиной – природа или жизненные перипетии, я пока не разобрался. Она не подхватывает любое остроумное словцо, не вступает в обмен колкостями, предоставляя это другим и тем самым показывая, что она привычна к поклонению окружающих. Все говорит об узком круге поклонников, о малой свите.

Теперь твоя очередь. Жду твоего ответа здесь, где пробуду еще неделю. Если наведешь справки позже, пиши в Берлин, на *post restante*. (Я еще не освоил немецкое „до востребования“). Приветы и поцелуй тебе и моей дорогой Элли.

Всегда твой, сердечно тебя любящий Роберт ф. Г.Л.»

⁶⁰ В древнегреческой мифологии Талия – муза комедии и легкой поэзии, Терпсихора – муза танца.

Глава десятая

Гордон еще раз пробежал глазами письмо и остался доволен своей характеристикой Сесили. Но то, что он написал о Сент-Арно, показалось ему недостаточным и побудило приписать еще несколько слов.

«Дорогая Клото, – нацарапал он на полях, – я только что перечитал мое длинное послание и нахожу, что портрет Сент-Арно нуждается в ретуши. Хочу добиться большего сходства с оригиналом, хотя бы и за счет его привлекательности. Если я представляю его тебе как гвардейского полковника *comme il faut*, то это верно, но лишь с одной стороны. По крайней мере, с тем же правом я могу характеризовать его как старого холостяка из высших слоев общества. Нельзя представить себе что-либо более неженатое, чем он, несмотря на всю его куртуазность, а иногда даже заботливую внимательность по отношению к молодой жене. Но все это кажется показным и, если не полностью, то во всяком случае больше чем наполовину, объясняется светской привычкой ухаживать за дамами. К тому же у него какой-то „смущенный взгляд“. В этом он похож на Сесиль, но ей застенчивость идет, более того, усиливает ее очарование, а в нем – отталкивает. В какие-то моменты он, страшно сказать, производит впечатление игрока и бретера, который здесь, в Тале, разыгрывает добряка и копит силы для новой кампании. Надеюсь, что теперь ты поймешь, чем вызвано мое любопытство. Еще раз, Бог в помощь. Твой Роби».

Лишь теперь он сунул письмо в конверт и отправился в читальню, дабы углубиться в «Таймс», чтение коей вошло у него в привычку с его индийско-персидских дней.

Пока Гордон сочинял письмо, супруги Сент-Арно, как всегда после завтрака, совершали утренний моцион. Когда они дважды обошли большой парковый луг, Сесиль устало присела на скамью, скрытую в тени кустов сирени и ракитника. Это было укромное место, до полудня самое красивое в парке, откуда можно было любоваться не только лесистым склоном, возвышавшимся прямо перед взором наблюдателя, но и Лысой горой, и Конским копытом, с их поблескивающими на солнце крышами гостиниц. Погода стояла тихая, лишь изредка тишину нарушал легкий порыв ветра.

Сесиль, занимавшая самое тенистое место, закрыла зонтик.

– Разумеется, – заметила она, – барышня очень интересна, но все же слишком эмансипирована, или, если угодно, слишком уверена в себе и самонадеянна. Ты говоришь, она художница? Хорошо. Но что значит художница? Иногда она так умничает и задается, словно приходится Гордону троюродной бабушкой.

– Ну и пусть.

– Пусть, – согласилась Сесиль. – Если бы не сплетни.

– Сплетни, – язвительно повторил Сент-Арно слово, которое всегда его нервировало.

Но Сесиль, обычно столь чуткая к его интонации, сегодня пропустила ее мимо ушей. Указывая зонтиком на фронтон стоявшего поблизости дома, выглядывавший из-за купы деревьев, она сказала:

– Это Хубертусбад, да? И как же прошел вчерашний концерт? Я открыла окно и успела услышать последний номер: «Поедем со мною в мой замок»⁶¹. И представила Розу в роли Церлины⁶².

---

⁶¹ Цитата из арии Дон Жуана одноименной оперы Моцарта (1787).

– А Сесиль в роли Донны Эльвиры.

Она от души рассмеялась, потому что Сент-Арно произнес это с симпатией, без всякого упрека или раздражения.

– Донна Эльвира, – повторила она. – Роль отвергнутой презираемой женщины! Признаюсь, я бы этого не вынесла. Как подумаю, что бывают обиды...

– ... терпеть которые еще труднее, чем те, что должны переносить мы. Да, Сесиль, говори смело, меня ты можешь не стесняться. И тебе следует помнить об этом каждый день. Конечно, легче проповедовать мораль, чем жить по ее правилам. Но мы должны хотя бы попытаться.

Каждое слово действовало на нее благотворно. Прижавшись к нему в мимолетном порыве нежности, она сказала:

– Как ты все верно сказал. Вроде бы я склонна хандрить. А ты наоборот. Ах, Пьер, нам пришлось искать тихое место, вдали от большого города, чтобы избежать разных неприятностей. Хорошо найти тихое место, а лучше несколько таких мест, и переезжать из одного в другое. Какая здесь легкая и приятная жизнь. А почему? Потому что постоянно заводишь новые отношения и знакомства. Вот оно, преимущество путешествий, живешь минутой и вообще получаешь все, что тебе нравится.

– И все-таки «жить на чемоданах» трудновато. Не каждый день встречаешь безупречного кавалера, в котором добродетели военного воспитания сочетаются с учтивостью светского денди. Ты знаешь, кого я имею в виду. Какие обширные познания – и абсолютное отсутствие хвастовства. У него восхитительные манеры; словно он стесняется, что пережил так много испытаний.

Она согласно кивнула.

– Вчера вечером, когда вы с ним вместе провожали эту барышню с концерта до отеля, ты имел разговор с господином фон Гордоном. Я стояла у окна и видела, как вы прохаживались по тропинке, усыпанной гравием. Расскажи. Ты знаешь, вообще-то я не любопытна, но уж если чем-то интересуюсь...

– То?

– То *de tout mon coeur*⁶³. Итак, что он такое? Почему отправился странствовать по свету? Такой видный мужчина, знатного рода, ведь шотландцы все из хороших семей. Среди наших кавалеров при дворе... Вот откуда я это знаю. Впрочем, я вовсе не прошу читать мне лекцию о шотландской аристократии. Так почему он вышел в отставку?

Сент-Арно рассмеялся.

– Дорогая моя Сесиль, тебя ждет жестокое разочарование. Он вышел в отставку...

– Ну?

– Просто из-за долгов. И с этого момента начинается его карьера, самая банальная карьера наемника. Сначала наш *chevalier errant*⁶⁴ служил в саперах в Магдебурге, потом в железнодорожном батальоне под командованием Гольца. В этом отряде народ достаточно умен и ловок, чтобы не влезать в долги. Но у каждого правила есть исключения. Короче, он не удержался. И переселился (если в его положении уместно говорить о переселении) в Англию, где надеялся найти практическое применение своим научным познаниям. Это ему удалось, и в середине семидесятых, по поручению одного английского общества, он отправился в Суэц прокладывать кабель через Красное море и Персидский залив. Ты вряд ли представляешь себе, где это, но я покажу тебе на карте...

– Рассказывай дальше.

---

⁶² Церлина, донна Эльвира – персонажи оперы Моцарта «Дон Жуан». Церлина – крестьянка. Донна Эльвира – дама из Бургоса, покинутая доном Жуаном.

⁶³ всем сердцем (фр.)

⁶⁴ странствующий рыцарь (фр.)

– Позже он служил в Персии, где под его руководством была проведена телеграфная связь между двумя столицами, после чего поступил на русскую службу. Как раз в это время Скобелев, которого ты помнишь по Варшаве, праздновал победу под Самаркандом. Позже, когда театр военных действий переместился, Гордон был с этим генералом под Плевной⁶⁵. Но среди русских усилилась ненависть ко всему немецкому, и служба в России стала невыносимой. Он вышел в отставку, и ему удалось восстановить прежние связи. В настоящий момент он является уполномоченным той самой английской фирмы, где начинал свою карьеру, и занимается прокладыванием нового кабеля в Северном море. Однако же он страстно желает вернуться на прусскую службу, чего он, без сомнения, добьется, так как имеет протекцию в верхах.

– И это все?

– Но Сесиль...

– Ты прав, – рассмеялась она. – Жизнь довольно бурная. Но я и в самом деле нахожу, что прокладывать какую-то проволоку или кабель вдоль неизвестного мне берега (а сколько берегов мне неизвестно) столь же банально, как залезать в долги.

– А что же, по-твоему, не банально? Сдоблаговоли удовлетворить мое любопытство.

– Ну, например, жизнь Регенштайнера. Она намного романтичнее. И уж если ты не можешь стать Регенштайнером, тебе остаются приключения, охота на тигров, пустыня, блуждания...

– Географические блуждания или моральные заблуждения?

– И то, и другое.

– Ну, кто знает, чужая душа потемки. Не мог же он сразу посвятить меня в свои сердечные дела. Но ты только взгляни...

Порыв ветра, только что налетевший на большую клумбу столетних роз, поднял и понес к Сесили целое облако розовых лепестков.

– Ты только взгляни, – повторил полковник, и в этот самый миг лепестки, которым преградил путь куст сирени, упали к ногам прекрасной дамы.

– Ах, как красиво, – сказала Сесиль. – Для меня это добрая примета.

И она наклонилась, подняла один из лепестков и прижала к губам. Потом встала, весело взяла под руку Сент-Арно и направилась к гостинице.

---

⁶⁵ Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) в 1864 г. был ординарцем при графе Баранове, объявившем в Варшаве об освобождении крестьян и наделении их землей, затем перевелся в Гродненский гусарский полк и участвовал в последних боях против польских повстанцев. Во взятии *Самарканда* в 1868 г. Скобелев не участвовал, кампанией руководил генерал К.П.Кауфман. В Средней Азии Скобелев отличился позже – во время Хивинского похода (1873) и Ахал-текинской экспедиции (1880–1881). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. полугодовая осада *Плевны* (Болгария) русско-румынскими войсками под командованием Скобелева завершилась победой 10 декабря 1877 г.

Глава одиннадцатая

До обеда оставалось еще довольно много времени. Сент-Арно, большой любитель географических карт, намеревался углубиться в изучение карты Гарца. Сесиль, напротив, хотела отдохнуть.

– Разбуди меня, Пьер, минут через десять, – сказала она, укладываясь на шезлонге и укрываясь лежавшей на коленях шалью. И тут же заснула, подложив левую руку под красивую голову и придерживая шаль правой рукой.

Через два часа все собрались за общим столом. На этот раз хозяин, никогда не упускавший из виду предпочтения и желания гостей, разместил сотрапезников по-новому. Супруги Сент-Арно остались на прежнем месте, однако Гордон был посажен не напротив Сесили, а слева от нее, священник занял освободившееся место визави, а слегка приведший себя в порядок приват-доцент (ибо именно таковым он оказался) получил место рядом с ним. Роза отсутствовала. Гордон появился, когда уже разносили суп, и как солдат был несколько смущен своим опозданием. Но еще больше его смутило новое размещение гостей.

– Право, не знаю, – обратился он к Сесили, – чем я заслужил такое предпочтение со стороны хозяина. Я ведь пью содовую воду, а не шампанское.

Замечание это вызвало игривую светскую улыбку пенсионера, в то время как приват-доцент, оценив всю серьезность ситуации, сдвинул на лоб очки в роговой оправе и уставился на Гордона скорее с научно-исследовательским, чем с обычным вежливым интересом. Но внимание Гордона было настолько поглощено красивой женщиной, что он не замечал ни ухмылки пенсионера, ни пристального взгляда естествоиспытателя из Аскании. Не покидавшее его волнение прорывалось в быстрых вопросах, касавшихся мелких происшествий кведлинбургской экскурсии, фамильного склепа, Роланда и дома Клопштока, который (и тут Сесиль рассмеялась с ним вместе) «к сожалению, оказался слишком уж зеленым». Напрашивались и другие вопросы, и только об аббатисах и, в частности, о портрете красавицы-графини Авроры Гордон не упомянул ни единым словом.

– Но я заболтался, – вдруг перебил он сам себя, – и не удосужился спросить о главном, о вашем самочувствии, мадам. Мне показалось, что на обратном пути здоровье ваше подверглось серьезной опасности. Не могу припомнить таких поездок, даже в Америке, где, как известно, все помешались на «свежем воздухе». Ох, как я ненавижу эти большие салон-вагоны, где самонадеянность обречена на фиаско. Ведь по правилам вы можете закрыть лишь одно окно, но разве это поможет? Шесть остальных окон, за которыми нельзя уследить из-за разного рода перегородок (воистину коварный умысел конструкторов), обеспечат вам постоянный перекрестный сквозняк. Вчера вы, наверное, обратили внимание на толстенького господина в соседнем купе? Это он был виноват. Устроил настоящий скандал, с треском опустил все закрытые окна, и при этом озирался с таким гордым и вызывающим видом, что у меня не хватило духу помешать его убийственной деятельностью. Ох уж, эти мне энтузиасты проветривания!

– Но, может быть, – заметил Сент-Арно, – его антагонист, ненавистник проветривания, еще опаснее, чем этот энтузиаст? Не знаю.

– Если сравнивать две крайности, вы, безусловно, правы. Избыток свежего воздуха всегда лучше, чем недостаток. Но если не брать в расчет крайние случаи, то я отдаю предпочтение врагу проветривания. Он может оказаться столь же назойливым, как и его противник, столь же опасным для здоровья и даже, если угодно, более опасным; но он не так оскорбителен. Дело в том, что энтузиаст проветривания отличается чувством безусловного превосходства, считая себя защитником не только здоровья, но и нравственности, морали, чистоты. Тот, кто открывает все окна настежь, – свободен, смел, всегда герой. Тот, кто их закрывает, – всегда слабак,

трус, *un lâche*⁶⁶. И несчастному закрывателю окон это известно, поэтому он робок и скрытен и предпочитает дожидаться момента, когда его противник вроде бы уснет. Но враг не дремлет, он всегда настороже, ибо воодушевлен высшей нравственностью. Пылая праведным гневом, он вскакивает и снова открывает настежь окна, в точности как вчерашний толстячок. Можно держать пари десять к одному, что противник сквозняка и ветра всегда исполнен робости и смирения, а энтузиаст свежего воздуха одержим духом противоречия.

– Отлично сказано, – вмешался пенсионер.

– Однако, – продолжал Гордон, – нам подают форель, мадам. Это важный повод отложить на время наш спорный вопрос. Могу я предложить вам вот этот великолепный экземпляр? И немного масла. Обратите внимание на вон ту странную масляную птичку на втором блюде, такую желтую-желтую с глазками из двух перечных зерен. Есть в ней что-то гротескное, даже жуткое. Кондитеры и повара отличаются самой извращенной творческой фантазией.

– С чем не могу не согласиться, – заявил длинноволосый приват-доцент, впадая в научный раж. – Однако же я, с вашего позволения, должен констатировать, что из общего правила бывают случайные исключения. Известная немецкая сказка, разговор о происхождении коей завел бы нас слишком далеко. Позвольте представиться: Эгинхард Аусдемгрунде. Эта немецкая сказка с древнейших времен повествует об идеальном пряничном доме. Пряничный дом как идея – вот что подлежит констатации. Если теперь, благодаря прихоти кондитеров, мы можем воочию увидеть вещь, до сих пор лишь маячившую в нашем воображении, то в чем же тогда заключается прегрешение против хорошего вкуса? Ответ на этот вопрос отнюдь не представляется мне легким. Вы можете ответить «да» или «нет», но в обоих случаях ваш ответ никак нельзя полагать неоспоримым. Лично меня, признаюсь в этом открыто, он касается в том смысле, что каждое Рождество у Дегенбродта на Лейпцигской улице я имею возможность осязать и обонять пряник, каковой еще несколько лет назад существовал лишь в идее. А ныне Дегенбродт специализируется на его выпекании. Это обогащает фантазию, несколько ее не парализуя. Реализм, искажающий нашу эпоху и наше искусство, таит в себе опасности, но в то же время, как мне кажется, имеет свой резон и свои преимущества.

– Разумеется, разумеется, – сказал Гордон. – Сдаюсь. Все равно нельзя спорить, когда ешь рыбу. Один мой знакомый профессор подавился рыбной костью и помер.

– У форели нет костей.

– Но есть жабры. И, во всяком случае, хорда. Будьте осторожны, господин профессор.

– Вы приписываете мне звание...

– Пардон. Я полагал... Впрочем, форель в Гарце имеет чрезвычайно тонкий вкус и аромат.

– Форель есть форель.

– Примерно так, как люди есть люди. Белые, черные, ученые – все имеют различный вкус, даже с антропофагической, то есть каннибалической точки зрения, равно как и форели. На вкус они и впрямь совсем разные. Кому ж это знать, как не мне. Если подсчитать, я перепробовал примерно дюжину сортов.

– И где самая лучшая форель?

– В Германии, мадам, альпийские форельки из Боденского озера (они особенно хороши под белое маркграфское), а в Италии – марены из озера Больсена... Но, безусловно, самую прекрасную форель я отведал недавно у себя на родине. Я имею в виду Шотландию, родину моих предков.

– И как она называется?

---

⁶⁶ трус, подлец (*фр.*)

– Осетровая, из озера Кинросс. Там, посреди озера, в старом замке Дугласов, томила в заточении Мария Стюарт. И кроме любви Вилли Дугласа, кстати, незаконного, то есть вдвойне обольстительного потомка Дугласов, ее могла утешить разве что осетровая форель.

– И все же, – перебил его пенсионер, – я дерзну утверждать, что рыба у нас в Гарце, то есть у нас в Боде, может потягаться с той, что водится в этом вашем озере...

– Кинросс.

– В озере Кинросс. Пусть не осетровая, и совсем даже не форель, но зато...

– Что?

– ... зато у нас голец! Что значит форель по сравнению с голцом!

– Гольцы? – заинтересовалась Сесиль. – Что это? Вам известно, господин фон Гордон?

– О, разумеется. Помню их с детства. Я всегда был лакомкой и не упущу случая предпринять познавательную экскурсию в обетованную страну гольцовых рыбок. Далеко она отсюда?

– Всего несколько часов пути.

– И где это?

– В Альтенбраке. Так называется большое село на берегу Боде, туда можно попасть через долину, а можно через горы. Но если соберетесь на экскурсию, обычно рекомендуются оба удовольствия, иными словами, туда вы идете через горы, а возвращаетесь по берегу Боде. Первый маршрут проходит мимо охотничьего замка Тодтенроде, а второй мимо крепости Трезебург. Весьма, весьма рекомендую.

– Может быть, сударь, вы присоединитесь к ней и будете нашим проводником?

– С превеликим удовольствием, – согласился пенсионер. – Тем более что мне таким образом представится случай повидаться с человеком, в ком чувство юмора счастливо сочетается с сильным характером, а наивность – с жизненной мудростью.

– И кто же сей счастливчик?

– Альтенбракский наставник.

– И что это означает?

– Во-первых, то и означает: учитель. Но не каждый учитель может стать наставником. Назначение моего знакомого (ему сейчас много за семьдесят) состоялось еще в то время, когда в деревнях, где не было сельского священника, учитель получал специальное звание прецептора, то есть наставника. По крайней мере, у нас, в Брауншвейге. Звание сие давало понять, что его обладатель – человек, так сказать, высшего порядка, правомочный и обязанный каждое воскресенье читать для общины Евангелие или даже какую-нибудь назидательную историю из сборника проповедей.

Сесиль, которая до сих пор не слишком интересовалась разглагольствованиями старика о гольцах и чудаках-наставниках, вдруг наострила уши. Свойственная ей мистическая религиозность, к тому же еще усиленная чтением душеспасительных брошюр, заставляла ее прислушиваться всякий раз, когда произносились слова, характерные для миссионеров и разного рода сектантов, прежде всего, разумеется, для мормонов. И хотя в данный момент вроде бы не предвиделось ничего, столь же интересного, она громко сказала, обращаясь через стол к своему сотрапезнику:

– И такой наставник живет в деревне, где водятся гольцы?

– Да, милостивая государыня. Но, к сожалению, бывший наставник больше не наставник, он сложил с себя эту обязанность. Между прочим, вопреки желанию своего церковного начальства.

– Из-за преклонного возраста?

– Отнюдь, сударыня. Его побудила к этому его совесть.

– Но, судя по вашему описанию, почтенный старец не терзается угрызениями совести?

– В известном смысле все-таки терзается.

– О, как интересно. Вы расскажете нам его историю?

– Непременно. Расскажу вдвойне охотно, поскольку она рисует моего друга в самом лестном для него свете. Я упомянул о муках совести, не так ли? Так вот: то, что мы называем угрызениями, всегда говорит о совестливости человека. Совесть – то доброе, хорошее, что поднимается в нас и предъявляет иск к нам самим.

Сесиль смотрела на него во все глаза. Но вскоре поняла, что он ни на что не намекает. И она только дружески кивнула ему, заметив:

– Ну, рассказывайте.

– Ну, рассказываю. В моем старом наставнике вдруг взбунтовалась его чистая нечистая совесть. Произошло это так. По инструкции ему было положено читать прихожанам Евангелие и проповеди. Но когда ему стукнуло семьдесят, и буквы в сборнике проповедей, несмотря на приобретение сильных очков, заплясали у него перед глазами, он поддался тому, что позже назвал наваждением, а именно: оставил все книги дома и принялся вещать с амвона по наитию. Иными словами, он проповедовал не как наставник, но как священник. Так продолжалось несколько лет. Но однажды он вдруг осознал, что в своей гордыне и дерзновении совершает то, что не положено ему по чину. Это показалось ему (и не без оснований) перебором, превышением полномочий и беззаконием. Некоторое время он носил свои сомнения в себе, но наконец набрался решимости и отправился в Брауншвейг, дабы свидетельствовать в консистории⁶⁷ против самого себя.

– И что же произошло? – перебил его Сент-Арно. – Боюсь, высокая консистория, как водится, оказалась настолько же мелочной, насколько велик был этот старец.

– Нет, господин полковник, все разрешилось благополучно. И если какой-либо сюжет имеет право на двух героев, то в моей истории их два, поелику советник консистории не уступал в благородстве наставнику. Зная давно о превышении полномочий, он, однако же, учел и другое: с того дня, когда наставник впервые дерзнул превысить полномочия и, нарушив запрет, начал проповедовать по наитию, жители Альтенбрака стали такими усердными прихожанами, какими не были никогда прежде. И вот, поднявшись со своего кресла, советник сказал:

– Мой милый Роденштайн (это фамилия наставника), ваша жалоба отклоняется. Возвращайтесь спокойно в Альтенбрак и продолжайте делать то, что делали до сих пор. Да поможет вам Бог.

И наставник в самом деле вернулся домой. Но, как ни благодарил он советника за его сугубую снисходительность и доброту, в глубине души старик остался при своем мнении и по возвращении подал письменное прошение об отставке и получил на то милостивое соизволение в письменной же форме. С тех пор он живет в своем замке Роденштайн, и лишь приход гостей скрашивает его одиночество.

– В замке Роденштайн?

– Да, его обитель можно так назвать. Во всяком случае, сам он называет ее так. А его называют отшельником из Роденштайна. А замок Роденштайн есть не что иное, как чудесный, возведенный на утесе странноприимный дом или гостиница, хозяин коей, как и его знаменитый тезка, при любых обстоятельствах поднесет вам доброго вина и угостит наилучшими гольцами. Альтенбрак и замок Роденштайн и есть та обетованная земля, о которой я вам рассказывал.

– Значит, мы должны туда отправиться, – сказал Гордон, и Сесиль одобрительно захлопала в ладоши. – Мы должны туда отправиться, чтобы раз и навсегда решить спор между форелями и гольцами. А господин пенсионер возьмет на себя роль нашего предводителя. Он уже дал свое согласие. И господин Эгинхард... простите, запамятовал...

– Аусдемгрунде.

– И господин Эгинхард Аусдемгрунде, – повторил Гордон, отвешивая поклон приват-доценту, – будет сопровождать нас. Не так ли?

---

⁶⁷ Консистория – церковно-административный орган.

Глава двенадцатая

Экскурсия в Альтенбрак была назначена на следующее утро, но до нее оставалось еще много времени, и когда гости, отобедав, вышли в коридор, неоднократно прозвучал вопрос о том, как провести «неожиданно» жаркие послеполуденные часы. Приват-доцент предложил прогулку в долину Бодеталь, однако же его идея не встретила одобрения.

– Только не Бодеталь! – заявил Гордон. – И уж тем более не этот вечный «Лесной кот»⁶⁸. Настоящий кабак на военной дороге. Воняет кухонными помоями и конюшнями, народу полно, кругом валяются промасленные обертки и калеки с гармошками. Нет, нет, я предлагаю Линденберг.

– Линденберг, – решил Сент-Арно, а Сесиль выразила готовность отправиться на прогулку немедленно.

– Сначала тебе следует отдохнуть, – сказал полковник. – В такую жару ты быстро устанешь.

Но красавица, всегда выражавшая несогласие в тех случаях, когда Сент-Арно указывал ей на необходимость в отдыхе или, того хуже, на приступы слабости, возразила и на этот раз. Она еще прежде попросила приват-доцента сопровождать ее, заверив, что «никогда не устанет за хорошей беседой». В ответ на ее реверанс Эгинхард пришел в неописуемый восторг, и его тут же озарила глубокомысленная идея написать трактат о превосходстве аристократических форм жизни и образования. Одновременно он твердо решил показать себя достойным столь лестного доверия. Увы, первая его попытка в этом направлении обернулась неудачей.

– Частное владение Микеля, милостивая государыня, – начал он, указывая на виллу, окруженную ухоженным садом, тянувшимся вдоль проселочной дороги.

– Чье владение? – переспросила Сесиль.

– Доктора Микеля, бывшего бургомистра Оснабрюка, а ныне бургомистра Франкфурта.

– На Одере?

– Нет, на Майне.

– Но что могло побудить этого господина искать летней свежести в простой деревне в Гарце? Ведь живописные окрестности Франкфурта предпочтительней. Почему он приобрел виллу именно здесь?

– Вопрос вполне уместный, и единственно возможный ответ на него, по моему разумению, дает германская приверженность господина Микеля императорскому дому. Несмотря на уязвимость такой формулировки со стороны языка, она точно выражает мою мысль. Хотелось бы изложить ее вам подробнее. Вы позволите, милостивая государыня?

– Прошу вас об этом от всего сердца.

– Итак. Можно считать историческим фактом, что у нас бывали и ныне еще встречаются мужи, в коих приверженность имперской идее громко заявила о себе еще прежде, чем возникла империя. Это пророки, имеющие обыкновение предсказывать каждый великий феномен. Пророки и предтечи.

– И к ним вы причисляете...

– Прежде всего, также доктора Микеля из Франкфурта. Воистину, он был одним из тех, в чьей груди еще в юности зародилась имперская идея. Она требовала своего осуществления, искала места под солнцем. Но где можно было найти наилучшее для нее место? Где можно было, скорее всего, вскормить ее и продвинуть в жизнь? На этот вопрос, милостивая государыня, есть лишь один ответ: здесь. Ибо здесь, в нашем благословенном Гарце вещает в полный

---

⁶⁸ «Лесной кот» – знаменитая гостиница, построена в 1845 г., существует поныне.

голос все имперское, все императорское. Я уж не говорю о Кифхойзере⁶⁹, где спит вечным сном император Фридрих Барбаросса (к тому же горы сии наполовину принадлежат Тюрингии). Но именно здесь, на северной окраине Гарца, каждая пядь земли обнаруживает, по меньшей мере, одного императора. В церкви Кведлинбургского аббатства (я с радостью узнал, что вы оказали ей честь своим посещением) покоится первый великий кайзер Саксонии; в Магдебургском соборе – второй, еще более великий. Не стану обременять вас, сударыня, перечислением имен. Но позвольте привести вам факты. В Гарцбурге, на вершине Бургберг (хотелось бы рекомендовать вам подняться на эту гору, у ее подножия вы наймете ослов) стоит любимая крепость Генриха, того самого, что совершил покаянное паломничество в Каноссу. А в Госларе, в сравнительной близости к упомянутой вершине Бургберг, до наших дней сохранился большой императорский дворец. В своих стенах он видел самых могущественных государей, носителей гибеллинской идеи⁷⁰ уже в до-гибеллинские времена. Так что воспоминания об императорах у нас здесь на каждом шагу. И в этом, милостивая государыня, я вижу причину, которая привлекла сюда, именно в нашу местность, господина Микеля, ратоборца имперской идеи.

– Несомненно. И вы рассказываете обо всем этом с такой теплотой...

Приват-доцент поклонился.

– ... с такой теплотой, что я прямо представила себе вас среди пророков и предтеч. И что ваши изыскания завершились восторженной приверженностью к истории немецких императоров.

– Разумеется, милостивая государыня, хотя признаюсь вам откровенно, ход немецкой истории не таков, каким ему надлежит быть.

– И что же вас не устраивает?

– То, что сместился центр тяжести. Произошла ошибка, которая была исправлена лишь в наши дни. Когда немецкие курфюрсты избирали саксонских императоров, коих мы по меньшей мере с тем же правом могли бы назвать кайзерами Гарца, мы были на верном пути. Но при окончательном, однако слишком уж преждевременном угасании саксонской династии, следовало сместить центр тяжести германской нации к северо-востоку.

---

⁶⁹ Горный массив к юго-востоку от Гарца. По преданию, в Кифхойзере скрыт замок, где спит император Фридрих Барбаросса (1122–1190). В 1865 г. в горе Фалькенбург была открыта пещера с камнями, напоминающими стол и стул Барбароссы.

⁷⁰ Гибеллины – политическая группировка в Священной Римской империи XII–XIII вв., приверженцы сильной власти императоров Штауфенов, противники гвельфов – сторонников династии Вельфов и усиления влияния Папы Римского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.